18+

ЦИКЛ «НА ЗЕМЛЕ И В НЕБЕСАХ»

ВАЛЕРИЙ САБИТОВ

НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ

КНИГА ВТОРАЯ

Валерий Сабитов

На краю Ойкумены. Цикл «На земле и в небесах». Книга вторая

«Издательские решения»

Сабитов В.

На краю Ойкумены. Цикл «На земле и в небесах». Книга вторая / В. Сабитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-558725-1

Заглянем за пределы своей планеты? Тайны Системы Солнца и очень далеких звезд откроет этот сборник. Вы перейдете за грани, определенные пространству-времени гипотезами-теориями, заглянете в глубины Великой Пустоты. Приятного путешествия!

ISBN 978-5-00-558725-1

© Сабитов В.
© Издательские решения

Содержание

Мастер 6
Контакт 20
Зеркало из Андалусии 29
Барьер не для блаженных 34
Конец ознакомительного фрагмента. 47

На краю Ойкумены
Цикл «На земле и в небесах». Книга вторая

Валерий Сабитов

© Валерий Сабитов, 2021

ISBN 978-5-0055-8725-1 (т. 2)
ISBN 978-5-0055-8726-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мастер

1

За окном жаркий полдень и пустота. Живого человека встретишь только в омнибусах с климат-контролем. Город в такие часы изображает жизнь: тротуары работают, реклама бушует картинами и слоганами, на фасадах каждого третьего дома развёртывается свежий фантамагический или детективный сериал. Для кого, спрашивается? Атмосфера и без того раскалена.

И куда себя деть? Точка поставлена, Глобула одобрила труд. Очередной роман на двоих… До сумерек несколько часов, в фэн-клабе нечего делать. Да и не хочется туда. Традиция: завершил работу – представь её и себя на разбор фэнам. Первую версию видеоряда Глобула готовит через час после точки. Народ в клабе просматривает свежее творение в ускоренном варианте и набрасывается с вопросами и предложениями. Дешёвый виски и синтетические закуски без лимита – такое позволено на премьерах, длящихся до утра. Сценарий один – часик сумбурной болтовни, затем мальчики-девочки делятся на группы, им становится не до автора. За ночь случается всё, что может случиться. Бывает, и полиция вмешивается. Но такие посиделки здорово поднимают авторский рейтинг. Следующий день мучаюсь жутким похмельем и угрызениями совести. И обещаю себе больше не появляться в вертепах разврата. Так их называли в забытых временах.

Глобула предложила итоговый анализ моей последней премьеры три месяца назад. Она разбирается в моих делах лучше, чем я. Вот: задано 143 вопроса. Но позволено ответить на три. Предложений по продолжению романа поступило чуть меньше, но все они оценены Глобулой как безграмотные и вредные. Отказавшись от просмотра, я в раздражении резко встал, опрокинув пластиковый стул, оформленный под дерево. Все эти вопросы-предписания по сути относятся не ко мне, а к Глобуле. Пусть анализирует их и беседует с фэнами она!

А мне что, в квартире-камере отсиживаться, с надзирателем-Глобулой? Как я её ненавижу! Компьютерная пустышка, проглатывающая и переваривающая любую идею. Это она наполняет мои книги тоннами крови, дикой борьбой с несуществующими чудовищами и грудастыми обкуреннными девицами, занятыми поиском суперпартнёров для секса. Надоели придуманные миры, в которых не действует логика универсума, а жизнь течёт по магическому беззаконию. Ненавижу, но продолжаю наполнять вселенскую корзину фантамагии.

– До каких пор? – бросил я вопрос в никуда и откинул стул ногой.

Невозмутимая Глобула подвесила над столом портрет президента. Вот как мне светит приём во Дворце! С награждением. Грамота-сертификат с высочайшим автографом и возможность угостить фэнов свежими закусками и качественными напитками. Предстоит бесплатная разгульная ночь, разбавленная восхвалениями, скрывающими зависть и неприязнь. Через пару недель обо мне забудут. До выхода очередного романа о человекообразных гарпиях, открывших охоту на сапиенс-самцов планеты.

Президент щурит хитрые глазки, кривит губы в нарочито доброй улыбке. Думаю, двойник. Или робот. Политика никому не интересна, полномочия высшего лица продляются автоматически. По факту ему не меньше ста лет. Но в реальности так не бывает. Если только я не застрял в чужом сне.

Резким движением распахнул окно, в воспалённые глаза ударило отражение солнца. Погрозив кулаком невидимой Глобуле, выскочил в холл. Здесь пусто, обстановка материализуется по мере необходимости. Что мне требуется в данный момент? Вот, проявилось зеркало, очень вовремя! Давно собой не любовался. О, какой я неповторимый! Глаза бессмысленные, в красных прожилках, рожа в густой щетине, фигура вешалка для халата.

Нормально, соответствую ситуации как общей, так и конкретной. Пошевелил ноздрями и поморщился: запах в квартирке такой, будто фэны ночью закидали меня тухлыми яйцами. Такое с коллегами иногда случается. Надо выбираться из индивидуальной клоаки, хоть в пустоту. Найду забегаловку попроще, волью в себя что-нибудь ободряющее, посмотрю новости. И забудется отсутствие смысла в личной жизни. Перспектив всё равно никаких. Трижды пытался прорваться в научную фантастику, не удалось. Какое-то Жюри стоит на страже и блокирует все попытки. Видно, круг для посвящённых. Я для них никто, обыкновенный, публичный аффтар. Нас ровно столько, сколь нужно для заполнения вакуума в головах миллионов фэнов. А там штучные единицы.

На мне мятая рубашка в мелкую розовую клеточку, околоспортивные штанишки, полустоптанные кроссовки. Переодеться? Пойдёт, не во Дворец собрался.

Улица дохнула раскалённым бетоном и плавленым асфальтом, уши моментально заполнило призывами купить, попробовать, примерить. Видео не различить, солнечные лучи подавляют всякий искусственный цвет. Так им и надо, продажным рекламщикам! Вышел на тротуар, огляделся. Трава бледно-зелёная, редкие деревья почти без листвы. Из ближних раскрытых окон доносится похрюкивание. Так вот откуда тот тухлый аромат в моём жилище! От соседей! Совсем я оторвался от суровых реалий жизни. Домашних свинюшек развелось больше, чем людей. Атрибут состоявшейся биографии, как же. Я пока держусь, несмотря на настойчивые предложения городских админов. Модному фантамагу только этого не хватает: поселить в спальне хрюшку, завести крутобёдрую подругу, и стать образцовым гражданином республики, примером для подражания. Рейтинг скакнёт вверх, кредиты расширятся.

Выбрал магнитную дорожку с минимальной скоростью, чтобы не пропустить ближайший бар. Тротуары девственно пусты, по мостовой проносятся редкие омнибусы. Техника… Я даже индивидуального такси не выношу. О, это же мой портрет на той стороне улицы! На весь фасад! От неожиданности сошёл на травку и удивился её подозрительной жёсткости. Неужели и тут пластик? Забыв о портрете и анонсе романа, подошёл к ближайшей клумбе, нагнулся, принюхался. Нет, никакого цветочного запаха. Видимо, удобряют свинюшным дерьмом. Куда-то его надо девать?

Вернулся на тротуар и понял, что направляюсь к центру города. Там ещё жарче и пустыннее. Вызвать такси и укатить на окраину? А там что? Голая равнодушная природа с одной стороны, те же близнецы-здания – с другой. Под тем же пустым бездонным небом. Нет, от себя не убежишь. А ведь начинал писательскую карьеру с прицелом на вершины мастерства. Старался соответствовать высоким принципам. Один из них – неповторимость исходной идеи. Когда-то я кипел ими. А теперь не могу выбраться из болота банальности. И нет у того болота берегов. Отличить мои творения от опусов коллег способна только Глобула. Она и сортирует нас по ранжиру. И настраивает фэнов на определённые серии, делая их модными. И тогда фэны наши тексты проглатывают. А что? Смотрится легко, сюжет с помощью Глобулы закрутить-запутать проще простого. Но – проверено! – переключился зритель-читатель на другое «творение», и в голове ничего не осталось. Ни текста, ни видеоряда. Кроме ощущения удовлетворённости. Ничего и от меня не останется, не продолжится.

* * *

Жюри поразило до жестокости откровенной фразой при последнем отказе: «Фантамаг Лерий, чтобы делать научную фантастику, надо владеть правдой жизни!» Не спорю – в моих вещах расчёт на зрелищную развлекаловку, а не на глубину слова. Но ведь кто соавтор номер один? Глобула!

А самое главное: чтобы писать в любимом мной редком жанре, надо владеть Методом. Все делатели фантамагии слышали о нём, но никто не знает, что он есть такое. А с Жюри обратной связи нет. Как оно находит своих авторов?

Впереди справа взгляд выхватил из множества липких рекламных призывов скромную вывеску-приглашение: «Для тебя». И улицу переходить не надо. Иначе я обязательно столкнусь с омнибусом и как минимум получу солидный штраф. Что скажется на качестве меню непременно. Да и одежонку пора менять. На простой подвальный бар кредита хватит, не буду рисковать. Настроение поднялось, и я скомандовал себе: «Вперёд!»

Дверь за спиной мягко затворилась, я замер. Живой звук! Я уже забыл, что такое бывает! Натуральный, правильный мужской, чуть хриплый баритон в сопровождении слайд-гитары… Конечно же, Крис Ри, «Дорога в ад». Из семейного детства… Смысл ударил из прошлого по-настоящему. Белый блюз… Теперь такое не играют. Некому слушать. Откуда здесь и сейчас?

А тут ещё одуряющий дух чего-то крайне съедобного. Явно не консервант, не химия или синтетика. И приятная прохлада, и освещение в самый раз, блюзовое, и посетителей почти нет. Можно рассчитывать на натуральную еду. Для полного кайфа не хватает сотрапезника из понимающих. Да где такого взять? Друзья остались в доавторском прошлом. Согласен и на просто знакомого. Только не фэна! Чтоб ни слова о романах, экранизациях и эльфах. Надраться под приличную закусь и поговорить о смыслах-ценностях, которых не найти в книгах-сериалах.

Какой странный сюрприз… Как тут неожиданно-необычно! Мебель – даже посуда! – прозрачные. А с потолка ниспадает светло-голубая с сиреневым оттенком дымка. Полуреальная атмосфера.

2

В такой обстановке исполняются и скрытые желания. За дальним столиком, рядом со входом в волшебную кухню – знакомое лицо. Красс из детства-юности, из времени Криса Ри! Мы с ним могли стать близкими друзьями. Если бы я не пошёл в авторы, а он не исчез из поля зрения. В груди кольнуло.

– Лерий! – воскликнул он, улыбаясь и губами, и глазами. Редкое сочетание в выражении эмоций, несовременное! Стало легче, боль в сердце отпустила.

Он приглашающе указал рукой на стул напротив. Я осторожно устроился на едва видимой изогнутой плоскости. В отличие от меня Красс ничуть не изменился. Та же круглая юная физиономия, украшенная румянцем и лёгким пушком. Где на дряхлой планете так умело консервируют время? Из сгустка голубовато-сиреневого тумана выплыл менеджер в синей форме и, поклонившись, обратился ко мне:

– Как мы рады вашему визиту, Лерий! Вас только что выдвинули на президентскую премию. И мы с радостью включили вас в список наших почётных гостей. Сегодня всё для вас и вашего спутника – за счёт заведения.

Вот это да! Реальная слава! И в подвале достала! Мне бы запеть-заплясать, хоть улыбку изобразить. И блюз сменился чем-то бравурно-торжественным. Друг юности улыбнулся так широко, что я заподозрил иронию. Как тут реагировать? Из затруднения вывел синий менеджер:

– Меню не предлагаю. Что вы предпочитаете?

Организм отреагировал раньше сознания. В животе заурчало, рот наполнился слюной, неуверенность и робость исчезли. И я спросил:

– А что за запах струится из кухни?

Менеджер соединил ладони и гордо объявил:

– Топ-блюдо! Тушёный натуральный кролик по фирменному рецепту. Желаете побеседовать с автором, шеф-поваром? Привилегия почётных гостей, не отказывайтесь.

Я замешкался, Красс отреагировал сразу и естественно:

– А то! Желаем, как же!

Справившись с растерянностью, я попросил выключить марш и показать что-нибудь свеженькое из научной фантастики. Просьба расстроила распорядителя. Отвечал он расстроенно:

– К сожалению, даже архив научной фантастики нам недоступен. Необходим спецпароль. Но можем запустить ваш призовой роман. Глобула сообщила о готовности.

Вездесущая Глобула! О, очарованный кварк! Скрыв возмущение, я отказался. И согласился с предложением Красса – музычку и оформление кролика на усмотрение заведения. Правильно, надо помнить, что пиршество бесплатное. А мы почётные гости не навечно. В ожидании блюд разговорились. На вопрос, где Красс пребывал и чем занимался эти годы, друг ответил так уклончиво, что я не решился на последующие расспросы. А он, оказалось, весьма осведомлён в сфере моих интересов.

– Да, Лерий, прогресс… Текст, совмещённый с видеозвукорядом – это нечто… Помнишь, в детстве мы читали и простые книги. Как быстро меняется жизнь. До сих пор тоскую по тем дням.

Он тоскует? Да он в этом полуреальном подвале как дома. Не случайный посторонний, как я. Мои рейтинг и кредит зависят от количества просмотров и прослушиваний. Прочтения не учитываются. Без плотного контакта с фэнами никак не обойтись. Сегодняшний успех может смениться завтра полным забвением. Какой я почётный гость? Менеджер в таких вещах разбирается лучше меня. Что-то тут не так… Я потёр щетину на щеке и подумал: надо было побриться, дико выгляжу. Вернулось недовольство собой. А Красс будто не замечает моего далеко не парадного вида и спрашивает:

– Ты, Лерий, показалось мне, не обрадовался номинации на премию. Жди завтра приглашения на чествование. Таков регламент.

Накопленное за многие дни напряжение прорвалось, я не выдержал и заговорил рублеными фразами:

– Чествование? За что? За успешное продолжение серии «Стервозное чародейство»? Хорошо, не влез в «Секс-Сутру», она на пике моды. Очарованный кварк! Да лучше…

Я не успел закончить исповедь-возмущение. Служители проворно накрыли стол, подошёл повар в сиреневом халате и голубой шапочке, краем глаза посматривая на моего друга. Во взгляде – насторожённость. Да, торжественный приём не ради меня! Красс имеет серьёзный статус в обществе, для меня недостижимый. Повар тонкими сухими пальчиками приподнял крышку прозрачной чаши. Пахнуло так обворожительно, что я забыл о догадках-подозрениях. Когда ещё встречусь с натуральным мясом, да ещё приготовленным столь профессионально!

– В сметане тушили? – строго спросил Красс.

Повар часто закивал и заговорил торопливо, проглатывая окончания фраз:

– Да-с! И с чернос ли… И чесночко… И любимый ваш розмарин не забы…

– Петрушка?

– А как же! Мы помним, как, что и кому… Выбраны лучшие куски, спинка и задний окоро…

Он резко опустил и медленно поднял крышку блюда. Вторая волна пара ещё пленительней! Я перестал думать о чём-либо, кроме еды. А повар продолжал:

– Взгляните! Мясо розовенькое, молодо… Нет, никакого маринада. Мы же понимае…

– Лайм? – задал очередной вопрос Красс.

– Да-с! Сок и мелкие ломтик… Чуть-чуть соевого соуса, перца чили, лука и белого вина. В процессе, само собой – яичный белок и сливочное масл…

Красс широко улыбнулся, благосклонно кивнул. Мы остались вдвоём, и он серьёзно, почти торжественно, сказал:

– Исключительное блюдо. И по красоте, и по полезности.

Затем наколол кусочек вилкой, покрутил перед носом, окунул в соусницу. Снова поднёс к лицу, втянул аромат, закрыл от удовольствия глаза. И, взглянув на меня, пояснил:

– Здесь умеют готовить. К сожалению, редко удаётся… Кролик – деликатес! Знаешь, вначале мясо обжарили на коротком сильном пламени. Затем при минимальной температуре тушили сорок минут, не больше и не меньше. Посмотри – каждая жилка, каждое волоконце сохранилось. Вся энергия живого в этом блюде!

Вино оказалось крепким, как легендарный мохито, и подействовало моментально. Включилась негромкая мелодия. Гитара и саксофон, определил я. Ни видео, ни рекламы – красота! Четверо за столом у входа в возмущении замотали головами. Судя по покрою и качеству одежды, они на порядок выше меня по рейтингу. Важные господа. Менеджер подбежал к ним и что-то объяснил. Они оглянулись на нас и смирились с ограничениями. Однако!

В меру острый соус, натуральный овощной салат… Ещё бокал, и я совсем размяк. Но разговор за столом не соответствовал желудочному настрою. Друг детства продолжил допрос:

– Так тебе разонравилось быть создателем реалистичной ирреальности?

Ну разве неясно? И я почти вскипел:

– Ирреальности? Небытия, возведённого в статус действительности! Чувствую себя дешёвым прайвет-клоуном.

– Чего же ты хочешь? – доливая в бокалы, спросил он, – В тебе ведь дар. Талант!

Я решил раскрыть своё место в литературной иерархии:

– Бездарность! Пытался несколько раз выбраться из болота фантамагии. Не вышло. Жюри не пропускает.

Красс изобразил удивление:

– Жюри? Вот оно что… Ты мечтаешь писать научную фантастику? Но ведь она – для узкого круга. Общество изменилось. Ты заметил, даже в таком приличном месте нет спецпароля… Закрытая каста, верно?

– Я пытался познакомиться хоть с кем-нибудь из, как ты говоришь, закрытой касты. Мэтры недостижимы. Никто их не видел, не знает. Сделал роман о путешествии к одной из звёзд, четыре месяца трудился! Жюри назвало труд макулатурой.

Красс придвинул ко мне блюдо с овощным салатом.

– Ты ничего не ешь. Попробуй – вкусно и полезно.

Он подождал, пока я не загрузил свою тарелку смесью свежих томатов, малосольных огурчиков и трав в сметане. Послушно съел всё. Действительно вкусно. Добавил в тарелку несколько кусочков кролика. Замечательный стол, да вот беседа идёт куда-то не туда. Вот, Красс снова взялся за меня:

– Так… Хочешь стать неизвестным гением? Да, туда жёсткий пропускной режим. Одного таланта мало. Кое-что мне известно…

Я снова взволновался, даже аппетит пропал. И осипшим голосом спросил:

– Ты знаешь о Жюри? Что?

– Немного. Они не подчиняются ни власти, ни деньгам. Ты, Лерий, наверняка считаешь их жрецами литературы, хранящими от народа некий секретный Метод?

Кусок кролика застрял в глотке. Чтобы его пропихнуть через сжавшееся горло, залил половиной бокала. Помогло. Но алкоголь разгорячил не только кровь, но и без того возбуждённые нейронные сети.

– Метод?! Да, так я и думаю! Есть, есть секрет! И как я до него доберусь? Нет, нереально…

Совсем я расстроился. Даже если доберусь… Метод наверняка так же многогранен, как рецепт приготовления этого кролика. Поваром мне не стать – особый дар. Настроение упало. И элитное застолье стало не в радость. Видно, придётся до конца жизни барахтаться в при-

вычном маразме безудержного сочинительства на пару с Глобулой. Больше я ничего не умею и не хочу. Нет, хочу, но до Метода не добраться. Тут и президент не поможет, Красс знает, что говорит. Есть пока вещи неподвластные… Но ведь достала магия! Как её ни называй, в какие рамки-серии не облачай, суть не меняется.

Покачал в руке пустую бутылку, разглядывая цветастую этикетку. В глазах туман, ничего не могу прочесть. Красс сочувственно-понимающе кивнул, повернул голову и тут же пустую тару заменили на полную. Сервис! Почётный гость? Да на одну такую бутылку мне надо пахать в пропахшей соседскими запахами квартире год. Цена фэнтезийного сериала.

Молча выпили, стало полегче, вернулся аппетит. Кролик на самом деле объедение. Захотелось выплеснуть из себя гнетущие сомнения и колючие вопросы.

– Видишь-ли, Красс… Глобула предложила несколько программ по созданию «нетленки». Испробовал. Не идёт, не катит! Ничего не выходит. Вот ты произнёс: «Метод». О, сколько я о нём думал! У Жюри, как я понял, главный критерий отбора – жизненность. Но ведь тексты создаются на семьдесят процентов Глобулой. Она обладает инфой о жизни во всех аспектах. И ей лучше известно, что куда включить. Жизненность… Это то же, что гениальность? Дар Свыше? Гены?

Красс задумался, разглядывая винную этикетку. Пригубил из бокала, сказал чуть-ли не шёпотом:

– Гений… Что мы об этом знаем?

Он не хочет продолжать разговор, который сам начал? Но меня повело, остановиться никак. Странно: в фэн-клабе напивался до чёртиков, но до самораздевания не доходил.

– Я, Красс, практически один остался. Сижу в квартире, как в клетке. Никто со мной не уживается. Или я ни с кем. Тут ещё депрессия волнами. Напьёшься дешёвого пойла, поначалу легчает, а потом ещё хуже. До гениальности мне дальше, чем до Метода.

Неожиданно зазвучал симфонический оркестр. Что-то из древней классики. Какой меломан дирижирует обстановкой в немодном баре?

– Я слышал, Красс, Жюри требует связать с творчеством совесть. Неясно, как понимать. В фантамагии никаких цензов-требований такого масштаба. Был бы удобочитаемый лёгкий текст. И нужный процент закрученности, крови, выбитых зубов, монстров, обнажённых бёдер. В основе, естественно, моя идея. Но по сути автор – Глобула.

Симфонический сложный ритм уступил место женскому контральто. По залу распространился аромат прохладной свежести. Мята… Я уж забыл о существовании на планете неярко-зелёной, в серебряном пушку травы. Голос Красса обрёл твёрдость. Он то ли спрашивал, то ли утверждал:

– Итак, ты имеешь желание перейти от «нечистой» фантастики к «чистой», ранее называвшейся классической…

– Желание имею, а возможности – нет. Без Метода я ноль, – сказал я, доливая в свой бокал.

– Странный день, странная встреча, – негромко сказал он, – А знаешь… Похоже, я смогу тебе помочь.

Дыхание перехватило, хмель улетучился, оставшийся в блюде натуральный кролик потерял прелесть. Я глотнул мятной свежести и задержал вдох. Неужели? Удастся оторваться от желтоглазых полнолунных оборотней, разгульных энергичных баб и симпатичных маньяков? И перестану я внедрять в лёгкую рваную ткань модного сюжета стальных супергероев? Выход из сатанинской ловушки есть? Ведь писали люди раньше! Те же братья Стругацкие! Откуда-то они брали ключ к Методу? Я прикипел больным взглядом к юному лицу Красса. Челюсть непроизвольно подрагивала, я с трудом сдерживал стук зубов.

– Так… – Он не торопил ясность. – Ты стремишься делать авторские вещи. Я правильно понял?

Он остановил готовый ответ поднятой рукой. И правильно, что тут говорить? Не Глобула должна меня вести к цели, а я Глобулу. Метод, Метод, Метод! Великий секрет таинственного Жюри… Красс пошарил в карманах моднейшей хлопчатобумажной куртки и протянул пластиковый прямоугольник.

– Вот, возьми. Итог одной из недавних встреч. И не думал, что пригодится.

Я внимательно рассмотрел кусок пластика. На вид обычная визитка. На одной стороне объёмная фотография одноэтажного дома, на другой – схема пути к нему. Странности две: нет имени, а дом слишком экзотичен, весь в зелени и цветах, окна отражают алую утреннюю свежесть. Дом очень значимого человека.

– Здесь живёт Мастер. Ты слышал о Мастерах? – улыбнувшись моей растерянности, пояснил Красс.

– Нет, – признался я.

– Мастера – люди из Жюри или его ближнего окружения. Мне рекомендовали по… Впрочем, неважно, по какому поводу. Возможно, то был сам Мастер. Мне ни к чему, а тебе – да.

Я слушал, смотрел на безымянную визитку и спрашивал себя: не во сне ли переживаю этот необычный странный день?

– Но ты… Ты сам.., – вслух сомневался я.

– Я сам? – Он усмехнулся печально и отстранённо, – У меня нет такого Дара, как у тебя. И не тянет к Методу. Другое у меня призвание. Посредник, что ли…

Посредник… Что за профессия? Ничего, ещё встретимся, сам расскажет.

– Но что ты знаешь о Мастерах и об этом конкретно? – спросил я, держа перед глазами цветную волшебную визитку.

Красс не спеша разлил отсвечивающее зеленью вино по бокалам.

– Почти ничего. Этот дом не имеет адреса. Он отсутствует в базах данных Глобулы и горадминов. Но найдёшь ты его легко. Если не потеряешь схему проезда.

Я крепче сжал пластик в пальцах. Красс, похоже, уловил мои колебания, и сочувственно сказал:

– Нет, нет… Мастер и его жилище не менее реальны, чем президент и Дворец, в который ты не попадёшь. А может, и более. И уверяю: Мастера – обычные люди. Не виртуалы или инопланетяне. Жюри ведь как-то находит достойных?

3

Всю ночь снился живой многоцветный космос. Я проснулся в нетерпении, внимательно рассмотрел визитку Мастера, принял контрастный душ, побрился, выбрал одежду посвежее. Послал подальше Глобулу, напомнившую о предстоящем визите к президенту и готовом завтраке, выбежал на улицу. По мостовой стелился белёсый туман, за восточной окраиной города поднималось алое зарево. По визитке мне в ту сторону. Выбрав оптимальный маршрут, я домчался до цели по скоростной магнитной дорожке за полчаса.

Домик утонул во вьющейся зелени по крышу. Цветы раскрывали бутоны, дышалось упруго и свежо. У двери, на дышащем прохладой гранитном крылечке меня встретил пушистый кот с ярко-изумрудными глазами. Внимательно рассмотрев и обнюхав не новые туфли, он отошёл в сторону. Дверь распахнулась, и я, сдерживая волнение, перешагнул порог.

В зеленоватом полусумраке не сразу увидел человека, сидящего за столом в центре комнаты, напротив входа. Зелёный халат, зелёная повязка на лбу. Оригинальный наряд! Вспомнил древнюю легенду о Зелёном Страннике, учителе пророков. Взгляд у хозяина как у кота-стражника: цепкий, изучающий. Зелёный человек ждал меня, дверь не сама открылась! Но после вчерашнего дня способность удивляться у меня сильно снизилась. Да и как здесь хорошо! Сквозь распахнутое окно льются запахи трав, листьев, цветов, влажной земли. Легко угадыва-

ется линия мяты. Уютно же устраиваются Мастера! Опять у меня сомнение в истинности происходящего. Ничего, к награждению успею проснуться. И тут же понял: нет, не попаду во Дворец. И возвращаться в квартиру нет желания. Завяз я в непонятности творящегося рядом. Или Зелёный Мастер откроет Метод, или…

– Что ж ты, друг мой, застыл как памятник? Прошу, присаживайся.

Голос приятный, с лёгкой хрипотцой. В тоне прослушивается командная составляющая. Я послушно занял стул напротив и убедился: да, подлинное дерево. Раритет цены неподъёмной!

– Рассказывай, – мягко приказал он, – что привело тебя ко мне в неурочный час? Добрые люди сны досматривают.

Не решаясь перейти сразу к сути визита, я принялся говорить о себе:

– Я Лерий, автор. Писатель. Номинированный. Да… Опубликовал несколько вещей в жанре фантамагии, принят в профессиональную Лигу, известен среди фэнов…

Мастер среагировал на информацию нейтрально:

– Замечательно. Прекрасная карьера. Впереди много и труда, и успехов.

Тут он улыбнулся, легко, с необидной усмешкой. И добавил:

– Так ты специалист по феям, упырям и добрым молодцам. Как же, наслышан. Ведь сегодня у тебя встреча на самом верху. Зачем же ты здесь? Тут премий не раздают.

– Да не хочу я премии! – почти вскрикнул я. – Хочу писать о другом и по-другому.

– По-другому? Это как?

– А как Станислав Лем! – Я решил идти до предела откровенности. – Или тот, кто написал недавно книгу «Туманность». Автор мне неизвестен.

– Ну что ж… «Туманность»? Соединить физику с психологией – неплохое стремление. Кто же тебе мешает? Пиши! Пробуй перо.

Он продолжал улыбаться, но уже с усмешкой, которую вчера демонстрировал Красс. Да, живой Мастер, не иллюзия. Подтверждая мою мысль, через окно влетела оранжевая бабочка, покрутилась над нашими головами и вылетела. Он тоже проследил за ней взглядом и сказал:

– Как интересно! Ты не только пишешь, но и читаешь. Горит искорка, да?

Только теперь я заметил, что Мастер совсем седой. И седина не по возрасту, а по испытаниям. Отметив мой взгляд, он дотронулся пальцами правой руки до бороды, левой передвинул по шероховатой плоскости стола металлический поднос с бутылкой и двумя стаканами.

– Открывай. Угощайся. Лимонад. Самый-самый реальный.

Глоток светло-золотого, шипящего на языке напитка – первый после возвращения из подвального бара «Для тебя» – взбодрил и успокоил. И я почувствовал, как зеленовато-жёлтый луч греет колено сквозь искусственную брючную ткань. Неужели седой из тех Мастеров, которые пишут научную фантастику для круга Посвящённых? И Мастер – телепат? Откуда мне стало вдруг известно, что среди Мастеров не только писатели, но и художники, музыканты, архитекторы? Вот, только что проявилось новое знание: они и те, кто к ним примыкают, – всего десять процентов населения. Ещё десять – активная оппозиция Мастерам, толкающая идею непрерывного технического прогресса. Остальное население – инертная масса. Готовая пойти за любым, кто пообещает земной рай. А Мастера тянут линию, слабеющую из века в век. Возможно, поразившую меня «Туманность» написал именно Седой. Я понял, что просто обязан быть откровенным.

– Трижды я делал попытку создания научно-фантастического романа. Жюри отклонило все. Основание – нет жизни, конкретного знания и понимания описываемой ситуации. Несмотря на то, что Глобула наполнила текст сведениями из своей памяти.

В Мастере что-то переменилось. Чуть-чуть, где-то в глубине сощуренных глаз. Словно ждал не этого признания. Как Красс накануне. И он не стал скрывать своей осведомлённости:

– Итак, ты пришёл за Методом, но не решаешься заявить о том. Ты уверен, что в ящиках этого стола спрятано несколько страниц, таящих великий секрет. А ты прочтёшь и станешь знаменитым среди неизвестных. Но ведь фэны тебя забудут, никогда не прочтут твои книги, не посмотрят снятые по ним сериалы. Как они не читают Лема или автора «Туманности». Не страшно?

Он легко поднялся и подошёл к стене напротив окна. А я задумался. Вопрос Мастера вернул вчерашние сомнения. Обстановка всё же ненормальная, нервы как гитарные струны.

– Знает ли претендент на Метод разницу между сном и действительностью?

В растерянности я привстал – второй день эта загадка покоя не даёт. Налил в оба стакана до краёв, отпил не из своего. Покраснел от неловкости, и пролил жидкость на без того не первой свежести джинсовую рубашку. Он сделал вид, что не заметил. И продолжил:

– Верно, нет способа различения. Получив Метод, ты не будешь точно знать, во сне он явился или наяву. Но какая разница, если он сработает, не так ли?

Что тут сказать? Мастер продолжает шокировать. Но я не сдамся – буду сидеть в неоприходованном админами доме сколько потребуется. Будут полы мыть, траву стричь ножницами, кота выгуливать. До той минуты, пока… Он понял меня и сказал с сочувствием:

– Что ж… Ты целеустремлён и упорен. Ведь Мастерами не рождаются.

Надежда вернулась вместе с поднявшимся солнцем. Совсем проснувшийся заоконный аромат заполнил комнату плотным облаком. И я увидел, что глаза у Мастера совсем не страшно-зелёные, как у кота-стража, и не старчески бесцветные, а ярко-голубые. И могут смотреть в упор так, что спрятаться хочется. Как снайпер через прицел. И слова точные и ясные, как выстрел в цель.

– Желание овладеть Методом, по сути – стремление войти в когорту Мастеров. А Мастера… Пока в обществе востребован – пусть очень тонкий – слой истинной научной фантастики, оно имеет перспективы. Что ты хотел отразить в романах, отвергнутых Жюри?

Вопрос простой, я его себе задавал тысячу раз. И ответил сразу:

– Любимая тема. Звездолёты, иные миры, будущее и…

Мастер легко рассмеялся, от синеватой зубной эмали отразился серебряный луч. И с улыбкой спросил:

– И ты, конечно, до деталей разработал конструкцию своих звездолётов, проработал нюансы тех миров, в которые попадут экипажи? Размеры планет, сила тяжести, состав воздуха и почвы – всё учёл?

Я – в который раз? – растерялся. И неуверенно ответил:

– Но это прерогатива Глобулы. Моя задача наметить канву, определить сюжет, рамки…

– В таком случае кто автор твоих романов – ты или Глобула? Разве она человек и может претендовать на авторство? Кто автор, Лерий?

Повтор вопроса привёл в замешательство. Детали физические, химические, психические и… Да фэны о них и не думают. Их интерес – соитие с инопланетянкой после кровавого побоища. Но это не научная фантастика, Мастер прав! Лем сам разработал детали мыслящего океана, не все в романе показал, но достоверность обеспечил. В его время Глобулой и не пахло. А мои замыслы оживляют несколько неразумных цифровых программ. Да, действительно, кто автор?

Мастер по-актёрски повёл рукой, и стена за ним открыла книжные стеллажи. Сотни бумажных книг! Я вгляделся в буквы на корешках. О-о… Пособия по физике, биологии, космологии, хромодинамике, литературоведению… И ещё, и ещё…

– Моя личная библиотека. Каждая страница каждой книги несёт на себе отпечаток моих пальцев и сознания. На почти каждой мои карандашные пометки.

Я похолодел. Мастер не признаёт Глобулы? Не может быть! Без неё всё равно не обойтись. Хотя – Лем ведь обходился! Пусть фэны его не любят, не знают, и никогда не откроют,

но он – из Мастеров. Мне захотелось вернуться в детство и немножко изменить его. Чтобы рядом оказалась вот такая своя библиотека.

Мастер бережно провёл рукой по корешкам. И сказал:

– Здесь – истинная магия. Вот так, претендент и номинант! В этих книгах – жизнь, закодированная не только в буквах, но и в формулах. Тех формулах, которые описывают течение крови в твоих жилах и движение нервных импульсов в твоей голове. И взаимодействие галактик в масштабе Вселенной.

Болото моё обрело ещё одно имя – невежество. Мастер снял с полки толстый том.

– Вот, словарь твоего родного языка. Знаешь, сколько здесь слов? Пятьсот тысяч. А каков твой запас? Не отвечай, будет стыдно. Думаю, не более четырёх тысяч. Больше тебе нельзя, фэны не поймут. Ведь так?

Но не только же в этом причина элитарности книг Мастеров, сказал я себе, продолжая напряжённо слушать.

– Ты, Лерий, стараешься писать теми же фразами, какими обмениваешься с фэнами в клабах. Коротенькими, удобными, легко усвояемыми. Чем проще, тем лучше. Но это – не литературный язык. А ведь любая цивилизация держится на нём. Не на слэнгах кумиров фэн-клабов. У тебя есть скрытый словарный запас, который позволяет понимать научную фантастику. А у твоих фэнов его нет. Человек разумный использует весь лексикон. Во всяком случае, старается.

Он замолчал, а мне на самом деле стало стыдно. Выходит, барахтаюсь я не только в личном, но в общенародном болоте. Вместе с коллегами по перу и той же Глобулой. Мастер, как и Красс, открывает мне очевидное. Они оба существуют в ином измерении. Десять процентов! Всего? Или целых? Итак, чтобы стать автором научной фантастики, надо превратиться в Мастера. То есть вырваться из болота большинства и влезть на островок, занимаемый меньшинством.

Нет, задачка неподъёмная! Буду я изучать эти книги до края дней и не достигну жизненности, которой требует Жюри. И что, возвращаться в протухший реализм фантамагии? В сочинение безжизненных миров, не имеющих права на бытие? Я с тоской обвёл взором комнату. Взгляд задержался на проёме открытой двери в кабинет Мастера. Там зажглась лампа, и к столу протянулась жёлтая тёплая полоса. Нет, Метод не может скрываться в одном только наборе знаний по всем наукам! Даже превратившись в Глобулу, я не стану Мастером. В чём же Метод? Или на него понадобится ещё одна жизнь? Не вяжется. Не клеится… Путает меня седой! Вон как хитро сощурился…

– Скажи, Лерий, ты заметил, что один запах воспринимается разными людьми по-разному? И одним человеком в разных состояниях тоже? Если в твоего героя нацелено жало мегаскорпиона, он будет мечтать о любви или жареном цыплёнке? Даже если ничего не ел неделю?

Нет, не путает… Верно! Почему я не задумывался о таких простых вещах? А ведь они относятся не только к запахам! Миллиард оттенков! Глобуле они до неонки, до тиристора. Как и мне до сего дня. Ну почему я такой тупой?!

Мастер понял и эту мою мысль, с сочувствием посмотрел. И протянул полный стакан лимонада. Я выпил до дна не отрываясь, не ощутив вкуса. В комнате мерцает цветной туман, будто я вернулся в бар «Для тебя». Неужели друг детства Красс тоже из Мастеров? И встретился не случайно?

Поставил стакан на дерево стола, задев стакан Мастера. Раздался приглушённый звон. Настоящее стекло? Или даже хрусталь? Как в сказке. Нет, это мой пластиковый искусственный мир – дурной нескончаемый вымысел. А здесь – преддверие настоящего бытия, в которое у меня нет пропуска. Визитка от Красса – всего лишь шанс. Мне не преодолеть границу. Седой между тем продолжал атаковать, не учитывая моё разочарование в себе.

– А во всех мирах, Лерий, даже если они ирреальные или гипотетические, правит Единый Закон. И в этом – правда жизни. Неправда – в отрицании Единого Закона.

Ну вот… К чему погружение в глубинные, непроверяемые причинные дебри? Роман, пусть и научно-фантастический, – не религиозная проповедь. Да и не до проповедей народу. Главное – статус, проблемы самоудовлетворённости. Глаза Мастера-телепата посинели, голос отвердел:

– Да, времена… Редкий стремится к истине. Нам не хватает людей. Кадров, как говорили в прошлом. Людей с мозгами, интеллектом, чистыми эмоциями. Ты и твои братья по цеху, вы работаете против Мастеров. И – небезуспешно. Мы сдаём долю процента за долей. Жюри вынужденно действовать подпольно, как революционная ячейка.

Он вернулся к книжным полкам, выбрал том, раскрыл на закладке и сказал:

– Вот, послушай…

«Научная фантастика – самый важный жанр нашего времени! Она – главный поток в литературе».

– Ну, кто это сказал?

Я только поморгал в ответ. Он ответил на свой вопрос, укоризненно покачав головой:

– Рэй Брэдбери, один из Мастеров Прошлого. Ты с ним знаком? О-о… Тебе не нравится мир, в котором живёшь. Ты на пределе. И потому рвёшься в вещественную сказку. Пытаешься её сочинить. Но – не готов. Потому и пришёл за Методом. За волшебной палочкой.

Впитывая тяжкие слова, я подумал о том, как изменить интерьер квартиры. Деваться-то некуда! Пропитать жилище индивидуальностью? Заведу даму сердца, будем беседовать о кредитах-рейтингах. Иногда буду вспоминать о встрече с седым Мастером. Где-то я читал о том, что он говорит. О «фантастическом реализме». И о схватке Буквы и Духа в творчестве. Я не каменный атеист, хоть и не прихожанин. Елей и свечи – из той же надоевшей магии. А Метод откуда? Зачем я здесь? Но выслушать-то надо…

– …научная фантастика – продвижение по грани знаемого и незнаемого. Знаемое – его всё-таки надо знать. Иначе где грань? Вот и получается у тебя некая муть, населённая кикиморами да лешими.

Я возмутился. Обстановка в зелёно-назидательных тонах начала раздражать. И возбуждённо спросил:

– Какая ещё граница? Линия? Плоскость? Не слишком ли примитивно?

– Вот! – Мастер приблизился к столу, – У нас во всём примитив! Максимум трёхмерность, и то лишь в действии, в экшне.

– Я догадываюсь, о чём вы… Нематериальные основы материи. Включить в текст область недоступной реальности. Но куда уж мне – я не Брэдбери и не…

Он не дал мне закончить фразу. И продолжил, переняв моё возбуждение:

– Так, вот видишь – внутренний запрет. В тебе их столько! Вот и пишешь о том, чего не ведаешь. Как можно знать то, чего нет в природе? Твои монстры существуют только в твоей голове. Из неё ты переселяешь их в головы фэнов и потом удивляешься, почему общение с ними тебя не удовлетворяет. Зачем ты каждый месяц посещаешь фэн-клабы? Ведь основное общение с миром идёт через Глобулу. Даже если вы оказываетесь в одной комнате, беседуете через мирового посредника. Не потому ли ты один?

Стало грустно – прав он. И в целом, и по мелочам. Но всё же кое-что надо уточнить:

– Но… Как только я начинаю говорить о том, о чём думаю, меня перестают понимать. Не получается диалога. Вы правы, дело в языке. В лексиконе. Меня заколебали коротенькие вопросы-ответы, разбавленные междометиями. Согласен, такие, как я, секвестрируют изначальный дар речи. И она капсулируется, делается ненужной. Люди разошлись с человеческим языком. В мои тексты Глобула добавляет специфический колорит. А взамен удаляет всё, что усложняет восприятие и понимание. И я соглашаюсь.

Мастер выслушал внимательно, слегка наклонился ко мне и сказал шёпотом:

– Открою маленькую тайну… Мастера работают пером на бумаге. И загружают готовую работу в Глобулу. Уточнить, откорректировать… Да, они сами всё делают, не Глобула, она лишь оформляет и предлагает визуализацию. Мастеру нельзя навязать чужие видение и стиль.

Ничего себе! Перо и бумага! Архаика… Но я ведь и не пробовал. Это ж сколько надо помнить! И понимать! Вся эта библиотека… Наверняка есть способы ускоренного усвоения инфы. Как же рождается очарование, живущее между строк у Мастеров? Невидимое, но такое необходимое. Дух, скрытый за буквой… И я спросил:

– Жюри занято и сохранением наследия древних?

– О-о… У Жюри столько задач! – Мастер говорил в полный голос, – Есть и такая: не дать кануть в Лету тем авторам, которые в прошлые времена не смогли пробиться к читателю-зрителю-слушателю.

В голове моей что-то щёлкнуло. Так вот почему звучали вчера Крис Ри, симфония, женское контральто! Мастер говорил о том, о чём я никогда не думал.

– Да, Лерий, мир наш жив благодаря таким авторам, которые работают не по простейшим алгоритмам. Но вернёмся к смыслу твоего визита. Тебя волнуют иные миры, безрезультатность поиска внеземных цивилизаций. И ты хочешь писать на эту тему. Причём писать по-настоящему. Так?

Я кивнул. Очарование комнаты вернулось, тайна ароматом мяты вторгалась в душу. И следующие слова Мастера проникли точно туда:

– У меня предложение. Хочешь отправиться в первую звёздную?

В горле пересохло. Слёзы запрудили горло, грозя выплеснуться шквалом. А Мастер, проникая посиневшими радужками прямо в центр моего мира, добавил в напружиненное тело плотины готовую взорваться мину:

– Завершается комплектация экипажа. Сегодня же тебе надо явиться в… Фантапремию вручат другому. Или?

Он усмехнулся? Ирония? Нет-нет! Какой тут выбор? Но почему никто не знает о таком важном проекте? Он понял сомнение и ответил таким тоном, что угроза взрыва и потопа во мне растаяла.

– Проект секретнейший. Решение Жюри. Дело Мастеров исключительно. Даже президент с командой дворцовых админов не в курсе. Цель – звезда Роус, в десятке световых лет.

Как я пропустил такое открытие? Планета у скромной тусклой красной звёздочки! Неужели возможно такое скрыть?

– Да, – продолжил Мастер совсем спокойно, – древняя, мощная цивилизация. Мост с Землёй установлен давно. Похоже, они в курсе, как у нас идут дела. Вход в тоннель открылся как бы сам собой. Думаю, их инициатива. Это приглашение.

– Ну почему так секретно? – спросил я не о том и тут же поправил себя: – Я… Почему я? Годы туда и назад… Вся жизнь может уйти, это же не виртуальное путешествие…

– Виртуальное или реальное – есть ли разница? – Он рассмеялся неизвестно чему, – Их способ передвижения не позволит тебе состариться. Вернёшься молодым, но другим…

Я задумался о соотношении процесса и результата в неожиданном варианте грядущего. А Мастер продолжал искушение:

– Подумай: какой материал соберёшь! Сможешь предложить не только посвящённым – широкой публике! – крепкий, твёрдый научно-фантастический роман. И не один! Возможно, такими шагами мы сможем преодолеть застой. Человечество достигло ступора в личностном развитии.

С этой оценкой нельзя не согласиться. Вот-вот все освинячимся. Но ведь остаётся шанс не вернуться! Да-а. За премией бежать или к звёздам лететь? Та ещё дилемма!

4

Вот и состоялось возвращение с экзопланеты. Народ там живёт серьёзный, дорога получилась комфортной, с гарантиями. Прав был Мастер, неважно, как получен результат, виртуально или в действительности. Но всё же действительность предпочтительней. Что я ему расскажу при встрече? Прежде всего посоветую кое-что добавить в поразившую некогда библиотеку. Тянет к полкам… За год подготовки и месяцы перелёта из меня сделали образцового астронавта, полпреда человечества. Точнее, представителя его тонкого, исчезающего слоя. О своём стремлении к Методу вспоминаю с улыбкой.

Квартирка в прежнем виде, только зеркала не проявляются. Ничего, полюбуюсь собой в Зелёном доме. Там, скорее всего, без перемен. А в городе обо мне и не вспоминают. Был или не был автор модной фантасерии? По пути к звезде Роус заглянули в место, названное Блуждающим Раем. Там я – лучший автор фантамагических сочинений, довольный и разжиревший. Но место это – межзвёздный мираж. Пристанище виртуальных идиотов и недоучек.

Но какая планета! Как передать Мастеру впечатления от мира живых кристаллов? Углерод как основа жизни, но в форме, превосходящей крепостью и красотой алмаз. Цветное блаженство! А люди? Какие они сложные и совершенные! Способны видеть жизнь Пустоты, краски Вакуума! И беседуют переменой цветов своих тел! Архив Звёздной громаден. Но работать буду не в этой квартире, пропахшей троллями и фейками.

Главное Мастер, конечно, уже знает. Начну с разочарования – им контакт с нами не нужен. Они знают о Земле практически всё, мы им неинтересны, но связь с десятью процентами населения будет поддерживаться. И так будет, пока десять не станут минимум четвертью…

* * *

Вот и Зелёный дом. Нет, не равен я пока Мастерам – вон как насторожённо встретил знакомый кот-стражник! Я остановился перед ним, стараясь унять волнение. Как пройдёт встреча, что приготовил седой любитель сюрпризов? Дверь отворилась бесшумно. Внутри зеленоватый полусумрак. За столом никого. Тишина и незабываемый аромат. Что-то не так: обе двери – в кабинет и спальню – открыты, оттуда льётся мягкий желтовато-сиреневый свет. Хозяин, возможно, отдыхает.

В растерянности я обошёл комнату по периметру. Портфель с путевыми заметками отяжелел в руке, и я поставил его у стены рядом с дверью кабинета. Зачем я притащил всё это сюда? Ах, да – желание похвастать. Путевые заметки, написанные мной. Пером на бумаге!

Поколебавшись, я присел на хозяйский стул, погладил рукой шершавое дерево стола. Посмотрел на входную дверь. Нет, не откроется, посторонние сюда не ходят. И кот не пропустит, страж он не простой, с особыми полномочиями. Вспомнил слова Мастера о невозможности отличить сон от яви. О, вот и новое – на столе лист бумаги и несколько цветных перьев в стеклянном стаканчике. На листе две ровные строчки.

Протянул руку и тотчас отдёрнул. Лист манил, да я не созрел. Позади раздался скрип, я обрадовался, резко вскочил и обернулся. Нет, никого! Приоткрылась дверца встроенного шкафа с одеждой, включилось внутреннее освещение. На плечиках – несколько зелёных халатов. На ощупь – новенькие, с иголочки. Повинуясь внутреннему импульсу, снял один, накинул на плечи. Надо же, впору. В самый раз!

Что всё это значит? Сон или явь? Куда пропал Мастер? Уверенный в напрасности попытки, постучал костяшками пальцев о дверные косяки кабинета и спальни – а дом-то ведь пуст! Вернулся к гардеробу и в его глубине открылось зеркало в полный рост. Свет усилился, и я увидел своё отражение. Впервые за долгое время…

О, неужели! На голове сплошная седина! Но морщин нет, не так уж и постарел я за время Звёздной. Провёл пальцами по светлой щетине. Побриться? Зачем? Внешне похож на Мастера, уже неплохо. Записка на столе, несомненно, от него. Взял лист, он хрустнул – настоящая земная бумага.

«Вот ты и дома, Мастер! Рабочий кабинет в твоём распоряжении. Ведь ты понял, где живёт Метод?»

Контакт

«Но стал ли человек разумнее? Отнюдь! Как устраивал войны чёрт знает чем, так и продолжает в том же духе. Даже если заранее знает, что войну проиграет».
Рэй Брэдбери. Из интервью 1992 г.

По шарканью шагов понял – шеф. И не стал закрывать книгу, просто отложил на стол рядом с ручным пультом. До конца дежурства полчаса, он пришёл поговорить, «отвести душу». Шефа я уважаю, он классный спец и свой парень. Но помочь в сложившейся ситуации не могу.

– Прошу, Владимир Иванович, – я передвинул второе кресло поближе к своему, – За бортом всё спокойно.

Он поёрзал жилистым телом, устраиваясь удобнее, выдохнул и сказал:

– Пока спокойно. Сколько ещё продержимся, как думаешь, Валя?

Я сочувственно посмотрел на худое бледное лицо, заросшее седой щетиной. Небрит из-за протеста? За три месяца на Аравийской Земле он потерял килограммов десять, не меньше. Нервы, слишком много берёт на себя. И постарался ответить мягче:

– Может, и пронесёт. До смены девять месяцев, да и ситуация на Земле может измениться к лучшему.

Имел я в виду не только возможный прорыв в космонавтике, но прежде всего систему международных отношений. Начальник российского сектора экспедиции позволял себе говорить вслух только о технической стороне наших проблем. А я простой пилот с обязанностями инженера-технаря систем жизнеобеспечения. И не мне судить его. Всё же, думаю, замалчиванием ничего не сдвинуть. И получим мы тут по полной…

– Что читаешь? – поинтересовался Владимир Иванович.

– Брэдбери. «Марсианские хроники».

– Фантастика. Впрочем, вполне к месту. И времени. Знаешь, Валя… Я, конечно, глава и всё такое…

Я подумал: «Номинально – да». Но вот-вот вся власть перейдёт в руки Лавра. Тогда придётся сливать воду. Выход один – скорейшее объединение всех трёх Секторов, как предусмотрено трёхсторонним заявлением, обнародованным перед стартом.

– Три скважины вместо одной нас погубят, Валя. Кожей чувствую – напряжение коры растёт. Что-то надо предпринимать, а я не знаю…

Сказать ему? Нет, рано. Джек на последней встрече заявил, что американцы дозревают. Но поддержат ли мою идею китайцы? Нужна встреча с Венлинг. У них такое хитрое восточное самопроявление, ничего не понять. Изолировать Лавра и его коллег, собрать всё оружие и сделать единую программу исследований! При хорошей подготовке за один марсианский день управимся. Шеф продолжил, посматривая через прямоугольник иллюминатора на далеко разнесённые два серебряных купола на полпути к линии горизонта:

– Я наивно надеялся, что пейзаж будет красноватым. Смесь серого да коричнево-черного угнетает.

Я согласился:

– Пыль, песок да щебень. Тоска. Но местами пробиваются розовые пятна. И блёстки голубоватые. Хотите, фильтр поменяю?

Скучноватая натура, он прав. Сектора мобильные, их можно как рядом поставить, так и развести за пределы видимости. На Земле для начала утвердили некое среднее положение. А на деле… В каждой группе свой Лавр с особыми полномочиями. Шеф расслабленно рассмеялся и ответил на предложение:

– Да ну тебя! Предпочитаю хоть и неприглядную, но реальность.

Он с любопытством посмотрел на раскрытый том Брэдбери. Чую, тянет его, но сопротивляется, остатки авторитета старается сохранить.

– Реальность? – я сделался предельно серьёзным, – Не хватит ли нам общаться через технику? На целой планете всего пятнадцать человек! И – три зоны. Я бы вот с радостью чайку погонял в китайском Секторе. Они это обставят красиво и по-деловому. Все противоречия разом снимутся.

Шеф вздохнул. Державные руки Земли в лице агента безопасности Лавра давили всякое проявление интернационализма. Да ещё и характер шефа…

– Валя, ты заметил? Великий наш марсолог Бужанский косичку на затылке завил и ленточкой красной перевязал. Именует себя самозванцем, часто смотрит в зеркало, показывает язык и похихикивает при этом. Симптом. У китайцев как с этим?

– Нормально у них. Но у нас в команде доктор! – сказал я, – Дипломированный. Или диплом фиктивный?

Он только рукой махнул. И сказал тоже на предельном серьёзе:

– Кстати о китайцах. Имел беседу с Лавром. Доктором… Как он тебя засёк?

Я понял: он спрашивает – почему я не заблокировал видеоконтроль на время посещения китайского Сектора?

– Шеф! Ну не предусмотришь всего. Да и зафиксировал он меня уже на обратном пути. И ждал в шлюзе. Хотел прижать. Да вы понимаете. Но у меня спецподготовка не слабее. Я ему не предмет жертвоприношения божеству имперской безопасности.

Шеф тяжело поднялся, опёршись рукой на моё плечо, и попросил:

– Ты держи меня в курсе. Если что. Договорились?

Я кивнул, и он вышел из дежурки.

* * *

Да, шеф определённо чувствует Марс в себе! Ещё бы – пробыл в космосе больше, чем на Земле. Через день после нашего разговора одномоментно исчезли все три бура. Наша задача – добраться до воды, которой под нами море разливанное. Когда-то оно плескалось на всей плоскости Аравийской Земли. Кратер Кассини, у края которого мы обосновались, был впадиной, подобной нашей Марианской. На одну буковку отличалась всего. Промышленная добыча воды означает начало колонизации Марса землянами. Но, похоже, задача в опасности.

Видеонаблюдение за будущими скважинами непрерывное, и оно не показало ничего подозрительного. Но наш Лавр обвинил в диверсии сразу и американцев, и китайцев. Напряженность между нами из формальной переросла в психологическую. Я пришел к шефу и добился разрешения на открытое обследование буровых и общую разведку. От нас, кроме меня, Бужанский. От НАСА – Джек, тоже пилот. Китайская сторона решила выждать.

Обследование буровых ничего не дало. Земной культурный металл исчез, будто растворился в разрежённой атмосфере. Разведка принесла плоды неожиданные и шокирующие. В паре километров от нас, у предгорья, торчат из грунта несколькими рядами нержавеющие металлические колонны. Мы ещё в первый месяц, когда общение было более свободным, решили: сваи! Остатки древней пристани. Их исследование – дело следующих экспедиций, но жить рядом с инопланетным артефактом и не интересоваться им?

Панорама выглядит обычной: на северном горизонте подковой изогнулся горный массив, на западе – обрыв Кассини, позади – серебристые купола Базы. Поднимая фонтанчики серой пыли, мы с Джеком устремились к колоннам. Бужанский плёлся за нами, отставая всё больше. Не хихикает, не веселится: определённо, перед выходом получил инструктаж Лавра. Следить за мной и Джеком – то ещё поручение.

Результат вчерашней встречи с Вожачком в медотсеке? Я влез туда, как только узнал: наш доктор (за глаза Вожачок или Чекист) пригласил на приём Владимира Ивановича. Ну уж нет, хватит трепать нервы заслуженному космонавту! Отобразив на лице крайнюю обеспокоенность, я с ходу заявил:

– Доктор! Так дальше жить нельзя!

Лавр повернул ко мне возмущённое лицо, украшенное белой шапочкой с красным крестом.

– Пилот Чмель, кто вам разрешил?

Вопрос я проигнорировал и продолжил ещё более горячо:

– Вы же врач! Чем мы дышим? Всё так пресно! Что за воздух потребляется нашими лёгкими? Разве это государственный подход?

Шеф, находящийся в напряжении от беседы с Лавром, понял, в чём дело. И едва сдержал улыбку. На «государственный подход» Лавр отреагировал правильно, как я и предполагал:

– Нормальная, чистейшая атмосфера. Как на Базе, так и в скафандрах.

– Вот именно, «чистейшая», – передразнил я, – Очищенная от жизни, от вселенской энергии, от… А почему вы не включаете в него естественные ароматы? Вы же не пьёте дистиллированную воду?

Я сделал короткую паузу, подмигнул шефу и добавил:

– Или пьёте? Вот у китайцев это дело отлажено. А мы кто, бастарды?

У Лавра от моей наглости глаза расширились. Впервые я отметил: они у него как у красной девицы, вытянутые к вискам, в длиннющих ресницах. Надо же, как причудливо природа распределяет дары!

– Что? Вы снова тайно побывали в китайском Секторе?

– Зачем же тайно? Мы понимаем. Я не скрываюсь ни от кого и ничего не скрываю. Нечего утаивать, доктор. Вы хотите запретить мою симпатию к Венлинг?

Тут, признаюсь, меня понесло.

– У вас какая профессия первая, Лавр Иосифович? Медик или чекист?

Он сверкнул очаровательными девичьими глазками и ответил спокойнее:

– Не Иосифович! Ираклиевич! У каждого из нас несколько профессий. А главная моя миссия – предотвращение посягательств на суверенитет и национальную безопасность государства. И недопущение угрожающих действий…

Надо же, миссионер! Я не стал ждать окончания списка государственных задач и наивно спросил:

– Каких ещё посягательств?!

Он поиграл желваками, показав крепость тренированных скул, и ответил:

– Любых, пилот Чмель. А вы как считаете, Владимир Иванович?

Шеф отвечал осторожно, после вздоха:

– Но… Где здесь, на Марсе, наш суверенитет?

– В пределах территории, над которой развевается государственный флаг. Пока над Арабской Землёй, а завтра…

Я рассмеялся и заявил повышенным тоном, игнорируя смущение шефа и возмущение Вожачка:

– Что-о? Пока? Вам поставлена задача расширить суверенитет? За счёт китайцев и НАСА? Может, и марсиан включили в зону государственного влияния? Что это такое, ваш суверенитет за пределами родной Федерации?

Вот так хорошо мы вчера поговорили. И сегодня он не решился подойти ко мне перед выходом. А вот Бужанский со сдвигающейся психикой… Я оглянулся и не поверил глазам.

– Джек! Ты это тоже видишь?

Все три чужеродных серому пейзажу купола Базы охватило колышущееся марево, полупрозрачно-розовое. Бужанский, оглянувшись следом за нами, воскликнул:

– Мираж… Не может быть!

И на самом деле, для такого эффекта нужна плотная горячая атмосфера. А тут… Серебро куполов, окрашенное в цвет утренней зари, отсвечивало ярко и тревожно. Но главное: над всей невероятной картиной застыл громадный красный шар.

– Надо возвращаться, – прошептал марсолог-«самозванец».

«Если успеем вернуться, – подумал я, – если красный НЛО не расплавит или распылит Базу». Шар приковал внимание. Такого быть здесь не могло. А если оно есть – Марс живой. Борьбу за суверенитет Лавру придётся отложить. Или отменить. Мы медленно, как в воде, двигались назад. Марево постепенно успокаивалось, краснота шара угасала. Наконец волнение марсианского воздуха сотворило нечто похожее на розовое полупрозрачное зеркало. А по нему пробежали тени с человеческими очертаниями. Ноги, руки, головы. Человеческие тени, и без скафандров!

* * *

Видеоконференция привела к ожидаемому решению: новые попытки бурения отложить, организовать разведку окрестностей. Записи загадочного миража отправили на Землю. Лавр закодировал в докладе особое мнение: происшедшее «сотворено» одной из конкурирующих сторон международной экспедиции. Уверен, он попросил новых полномочий и дополнительного оружия со следующим транспортом. Оставалось ждать реакции Земли. Как общей, так и национальных. Боюсь, они не совпадут.

На разведку отправились опять трое, но уже на транспорте. Только вместо марсолога – похихикивание у того перешло в приступы громкого смеха – пошёл Ронг. В переводе с китайского Воин. Марсоход НАСА мягко и плавно покачивало, как шлюпку на легко волнующемся море. Цель наша – территория бывшей пристани. Посмотреть-потрогать и измерить уровни радиации в широком диапазоне. Но ни посмотреть, ни потрогать не удалось.

Я остановил машину в пятидесяти метрах от первых свай. На воображаемой плоскости-настиле не существующего для нас пирса застыли обнаженные мужчина и женщина в масках. Она – словно статуя из красного золота, окруженная цветным сиянием. «Хрустальным свечением» – подумал я вслух. Мужчину окутывали пляшущие языки фиолетового пламени.

– Возвращайтесь! – раздалась в шлёмах команда шефа.

Повторили ее на двух языках. И тут же последовал вибрирующий баритон Лавра:

– Ни в коем случае! Это галлюцинация! Чмель! Приказываю провести проверку!

Какой уверенный командный тон! Интересно, как тестируют галлюцинации на инопланетных территориях?

– Чем прикажете проверить? – рассмеялся я.

И услышал:

– Лазерным излучателем марсохода, пилот-инженер!

Я посмотрел на Джека, затем на Ронга. И мы дружно расхохотались. Машина сделала широкий разворот, я с удовольствием посмотрел на дуги следов от каучука колёс и весело сказал:

– Возвращаемся, шеф. Как говорил наш Рэй, «запахло зверьём и рептилиями».

* * *

Земля молчала слишком долго. Что свидетельствовало: консенсус там отсутствует. Нет общечеловеческого понимания целей и задач интернациональной экспедиции. А в первую оче-

редь – способов их достижения. Режим дней и ночей на Базе сломался. Не было ни объединяющей стратегии, ни мобилизующей тактики.

Рядом с бездействующими буровыми установками шастали розовые тени. В самых разных местах возникали и пропадали туманные, дымящиеся зеркала. Я не выпускал из рук «Марсианские хроники». И при всяком удобном случае цитировал Брэдбери. Нашёлся английский оригинал и перевод на китайский, меня поддержали Джек и Венлинг. Мы вычислили коллегу Лавра в команде НАСА. Том, официально исполняющий должность инженера-химика, оказался не столь упёртым, как Лавр. Кто чем занят на деле в китайском Секторе, выяснить не удалось, у них всё скрыто от постороннего любопытства. «Чекистом» может оказаться и Венлинг.

Зеркала пропадали, появлялись. И вот – начали передвигаться, сливаясь в одно громадное, заслоняющее всю наблюдаемую из иллюминаторов реальность.

– Это не зеркала! Не зеркало! – объявила Альфи, единственная дама в команде НАСА, очаровательная афроамериканка, – Это открывается Марс. Настоящий, живой…

И посоветовала Тому с Лавром изучить «Марсианские хроники». В ответ на её прозрение в громадное невозможное зеркало нацелились лазеры всех Секторов. Настало время непрерывной боевой готовности. Без личного оружия нам запретили не только выходить, но и находиться в помещениях Базы. Лазерные пушки могли в любой момент нацелиться друг на друга. Три перекрёстных луча… Лавр надеется на успех превентивного удара?

Дисциплина в российском Секторе ужесточилась, но моей свободы не убавилось. Я молча игнорировал все ограничения. С Джеком и Венлинг мы разработали простенькую кодировку и ежесуточно обменивались сообщениями. Требовалось объединить усилия и нейтрализовать представителей спецслужб в единый час. Обстановка предписывала сделать из трех Секторов единую Базу. Пока психика экипажей окончательно не расшаталась. В моём Секторе адекватно вёл себя один Владимир Иванович. Химик Суббота разделил самооценку Бужанского, объявил Марс непознаваемым, себя графом и потребовал поместье на горе Олимп. И за свою нормальность я уже не ручался – мог устроить мятеж в любой, самый неподходящий момент.

Но пришла волшебная ночь под двумя лунами. Точно в центре между тремя куполами возникло Зеркало – впервые ночью! – и состоялся спектакль. Нам показали кусочек инопланетной жизни. Проявление непонятного разума… Действие удивительным образом проникало в каждого землянина, скрытого за металлом и пластиком. И воздействовало на все органы чувств.

…Набережная, замощённая розовым светящимся камнем. Легкий накат фиолетово-зелёных волн. Ощутимое давление плотного, насыщенного приятными ароматами воздуха. И яхта, розово-золотая в нежном двулунном свете, под изящными светло-сиреневыми парусами. Безветренно, паруса висят. На яхте десяток марсиан в масках разного цвета и выражений. В руках у них неизвестные инструменты; исполняется строгая, нарочито ритмичная мелодия. На возвышении, обняв тонкой бронзовой рукой коричневый ствол мачты, женщина в туманном одеянии исполняет завораживающую песню. Все мы, включая Лавра, замерли в потрясении.

«Песня, которую пела женщина, была странная, страшная, необычная. Она пыталась остановить слова, срывающиеся с ее губ, но они продолжали звучать». Слова песни несли угрозу, мелодия усиливала безотчетный страх. Точный смысл нам, землянам, оставался неясен. Спектакль завершился за полночь, но никто из землян не думал о сне. Первым обрёл самообладание Лавр:

– «Марсианские хроники» сжечь! Пусть ее читают в Секторе НАСА. Патриотизм – наше оружие. Мы не позволим галлюцинациям сорвать государственную задачу. Вода Марса – наша, российская вода!

– Именно, господин обер-прокурор, – поддержал его я, – Несогласных – расстрелять на месте несогласия.

Он замолчал, и долго сверлил меня противоестественным девичьим взглядом, пытаясь понять, серьезно я говорю или нет.

– Сжигай-не сжигай, – неожиданно вступил в разговор Суббота, – Мы ее успели наизусть выучить. Если вам не терпится что-то сжечь, у меня тоже нашлась бумажная книга. Как попала в багаж, не припомню.

Он передал книгу Лавру. «Граф» мыслил удивительно трезво. Я успел прочитать название: «Сборник постановлений Правительства РФ по развитию космонавтики и освоению околосолнечного пространства». И с трудом удержался от приступа смеха. Сопротивление Лавра сломлено. И не силовым методом. Следующим сдался Том. Происшедшее в китайском Секторе осталось тайной. Возможно, у них и не было агента спецслужб. Да и зачем он, если они все мыслят в едином, национальном ключе? То есть все так или иначе – агенты в любых обстоятельствах.

Излучатели сняли с боевого дежурства. Сектора сблизили так, что стало возможным соединить их безшлюзовыми коридорами. Но Земля не торопилась. Зеркала не появлялись, как и грозный красный шар. Однако ожидание неприятностей, внедрённое в нас песней на яхте, не оставляло. Наш Сектор ежедневно навещали Венлинг и её коллега Бию – очень маленькая, почти карликовая китаянка, похожая на скромненькую девочку-школьницу. Российский экипаж познавал ритуал восточного чаепития. После недели тренировок все три «дружины» собрались на родине чайного церемониала. Да, на родине – ведь над куполом развевается национальный флаг.

Круглый невысокий стол, горящие свечи, расслабляющий аромат. Никакого Марса рядом, никакого давления неведомой угрозы. Я смотрел на Венлинг, слушал нежный голосок Бию, вплетённый в восточную мелодию и тихий звон фарфоровых чашек.

– Виртуализация способна поглотить и муху, и слона… В ритуалах – спасение. Бытие – субстанция ускользающая…

Вот тебе и школьница! Вон как Лавр сидит – челюсть отвисла, хоть подвязывай. Он таких слов и слыхом не слыхал. А уж в таком исполнении! И возникла надежда: вдруг его пробьёт искра человеколюбия? И не понадобится полное разоружение двух агентов почти дружественных стран.

На общем чаепитии я попытался понять тех, в ком не успел разобраться как следует. Из моей команды – Субботу и Бужанского. Из НАСА – Дэна, экзобиолога и океанолога с безобразно накачанными мышцами; Эйбла, энергетика нашего общего корабля; и Альфи, даму с красивым природным загаром, ответственную в своём Секторе за жизнеобеспечение. Из китайцев загадка Шан и Вэйж. Но тут определить что-то без винного застолья проблематично, лица их выражают абсолютный нейтралитет.

В целом положительные мальчики и девочки, подготовленные, крепкие, психоустойчивые. Были… Почему же они так легко ложатся под своих спецагентов? Преданность национальным идеям? При чем здесь она? Соединить их, идеи, слить в единую концепцию хотя бы в таких проектах – и ноль вопросов.

Но… Ведь и МКС уже столько лет нет! Висят над планетой сразу несколько станций, дублируют все основные научные программы. Толк минимальный при максимальных расходах. В основном слежкой друг за другом заняты. Вот и хаос вокруг Земли. И тут будет не лучше. Я посмотрел на Лавра – тот сидит скованно, как китайский болванчик. Когда он таким стал? Не родился же идеалом суперпатриота?

Территориальное объединение и общее невинно-чайное застолье активизировали Марс. На этот раз нам показали своеобразный художественный – или документальный? – фильм по книге Рэя Брэдбери. Они ее тоже заучили наизусть. Я смотрел на происходящее через иллю-

минатор китайского Сектора и слушал Бию, вполголоса на русском языке воспроизводящую строки из «Марсианских хроник».

– «Они жили на планете Марс, в доме с хрустальными колоннами, на берегу высохшего моря, и по утрам можно было видеть, как миссис К ест золотые плоды, растущие из хрустальных стен…»

А за прозрачным стеклопластиком расстилалось бескрайнее море. Но всё остальное – как в древней земной фантастической книге.

– «Под вечер, когда древнее море было недвижно и знойно, и винные деревья во дворе стояли в оцепенении, и старинный марсианский городок вдали весь уходил в себя и никто не выходил на улицу, мистера К можно было видеть в его комнате, где он читал металлическую книгу, перебирая пальцами выпуклые иероглифы, точно струны арфы. И книга пела под его рукой, певучий голос древности повествовал о той поре, когда море алым туманом застилало берега и древние шли на битву, вооруженные роями металлических шершней и электрических пауков».

А вот эти строки соответствуют истине почти точно. Словно их автор на самом деле собственными глазами видел демонстрируемое нам. Вот и заключительная сцена… Слушаю Бию и стараюсь проникнуть в предназначенный нам, землянам, смысл поставленного действия. Марсиане привязали его к книге Рэя, потому что она – земная. Так, посчитали они, будет понятнее. Потому что задействует все наши чувства, эмоции, переживания. Знание, сплетённое с эмоциями, не может не изменить состояние человека. А через него – воздействовать на решения и поступки.

– «В то утро миссис К, словно вылепленная из жёлтого воска, стояла между колоннами, прислушиваясь к зною бесплодных песков, устремлённая куда-то вдаль.

Что-то должно было произойти.

Она ждала.

Она смотрела на голубое марсианское небо, словно оно могло вот-вот поднатужиться, сжаться и исторгнуть на песок сверкающее чудо.

Городок бурлил. Марсиане входили и выходили из домов, они приветствовали друг друга, на них были маски – золотые, голубые, розовые, ради приятного разнообразия, маски с серебряными губами и бронзовыми бровями, маски улыбающиеся и маски хмурящиеся, сообразно нраву их владельца».

Всё! Занавес закрылся, зеркало исчезло.

На этот раз я уверен: нам показали настоящий, реальный Марс. Потому что в заключение пришло предупреждение – без всеземного объединения у нас не будет и единого шанса на освоение Красной планеты. Мало того, – свернётся и Лунная программа.

Через день – в обмен на книгу Рэя? – мне подарили марсианскую книгу. Повинуясь внутреннему импульсу, сопровождаемый давящим взглядом Лавра, я натянул скафандр и вышел. Она лежала у входа, поблескивая металлом. Но я знал, что это – Книга.

* * *

Металл светленький, страницы шелестят, изгибаются, но не мнутся. Знаки расположены строчками, некоторые повторяются. Алфавит? Это потому что я не китаец… Но и алфавит зубрить не надо – Книга сама себя читает, и звуки родного мне языка рождаются в сознании. Говорящая, телепатическая Книга. Что означает: куда нам со всей нашей астронавтикой и лазерами до марсиан! Открылось пока только Вступление. Или Предисловие. Условие Контакта – диалог между двумя едиными солнечными цивилизациями. Едиными…

Итак, они не повелись на объединение исследовательской Базы. Чужой суверенитет не примут. Игр в демократию не признают. Просто возьмут и закроют Марс для землян. Как – совсем неважно. Внешний вид Книги и мой комментарий улетели на крыльях радиоволн. Но слова пилота к делу не пришьёшь, их на Земле не примут за аргумент. А систему письма там не расшифровать. Грустно стало так, что я готов разрыдаться. Мы на пороге Встречи, но она – скорее всего – не состоится.

Море – оно никуда не уходило. Аравийская Земля и кратер Кассини – его дно. Марс давно спрятался от Земли снаружи: мы видим и ощущаем то, чего на деле нет. И наша База трехсекторная, великолепно серебряная, присутствует не на Марсе, а где-то рядом с ним. Мы тут – временные тени, претендующие на колонизацию чуждого мира. Вооруженные агрессоры, готовые за право первого уничтожить сами себя. Патриоты планетарного масштаба…

Мы с шефом надеялись на положительное решение ООН, безоговорочно поддержанное всеми государствами. Но все получили жёсткие инструкции от родных правительств. «Никаких территориальных уступок соседям по исследовательской станции!» – так в концентрированном виде выразил высшую волю Лавр. Приоритет страны – и никак иначе. Другими словами: вода Марса или наша, или ничья. Резонно – первенство здесь решит все спорные проблемы там. Как им доказать, что приоритет здесь невозможен? Лавр ожил, наполнился прежней энергией, словно ничего и не происходит перед его носом. Готовится разводить мосты с НАСА и китайцами. И сверлить марсианскую кору. Таким путём можно стать героем и войти в вечность. Виртуальную государственную вечность.

Плевать на Лавра! Дальше Предисловия Книга не дается. Шелестит светлыми страницами, пружинит тёмно-сиреневой твёрдой обложкой. Отодвинув Вожачка, я вошёл в шлюзовой отсек, натянул скафандр. Требуется побродить в одиночестве, иначе расплачусь или разорву Лавра с Томом на мелкие кусочки. Далеко уйти не удалось. Остановил марсианин, облаченный в легкую накидку цвета неба, с металлической маской печали на лице. Мы постояли минуту, затем медленно двинулись в сторону кратера – океанской впадины. Подошвы моих ботинок оставляли ребристые следы, босые ноги марсианина не взвихрили и микрограмма пыли. В своей реальности, думаю, он идёт по воде.

Говорил он кратко, но фразы разворачивались моим сознанием в целые страницы смыслов. Под занавес беседы расспросил о биографии Рэя Брэдбери. И, прощаясь, продекламировал:

«Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу.
И звезда с звездою говорит…
…В небесах тожественно и чудно!»

Я прямо одеревенел. Откуда он это? Из меня что-ли вытащил?

– Решил я, это образ твой…

– Не мой, – прошептал я пересохшими губами, – Это стихи одного из моих любимых поэтов. Его нет среди живых…

Всё! Мы потеряли не только живой Марс. Мы потеряли всё Небо…

* * *

Пока я бродил и беседовал с марсианином, власть в российском Секторе распоряжением из недостижимой столицы перешла к Лавру. Владимир Иванович – его зам. Свежий шеф встретил меня ехидной усмешкой и объявил:

– С этого момента я запрещаю пилоту Чмелю выход наружу без моего личного разрешения.

Я попытался озвучить кое-что из полученного недавно знания, но он остановил меня:

– Вы находитесь под неизвестного типа внушением. И распространяете психическую заразу кругом. Вы – вредный психопат, как врач утверждаю.

– Психопатический гений? – с надеждой спросил я.

– Вы на грани безумия. Теряете лицо гражданина. Но ваши способности я признаю. На Земле разберутся…

* * *

Безумное наваждение… Да мне такого не придумать и за сто лет. Ладно! С судьбой экспедиции ясно. Но свою-то могу откорректировать? Шелестящая металлом Книга всегда со мной. Лавр делает вид, что её нет. Иллюзия, наведённая психом-пилотом. Думаю, он уверен в истинности собственных умозаключений. И действует искренне, убежденно. Без идиотов нигде не обойтись.

К скафандрам не пробраться. И что? Я переворачиваю прохладные страницы и мысленно говорю с их автором. Положил рядом «Марсианские хроники», раскрыв на портрете Брэдбери. Как теперь называть мою комнату три на два метра? Каютой? Или карцером? Иллюминатора даже нет. Можно наблюдать за внешней ситуацией через монитор. Механическим электронным глазом.

Рыдать расхотелось, до прибытия подкрепления к Лавру восемь месяцев. Срок моего предварительного заключения? Прибудут и другие резервы, в том числе в конкурирующие Секторы. Противостояние поднимется на вершинный виток. Задача каждой стороны: держать две другие под непрерывным наблюдением и находиться в недоступности для внезапного нападения. Они решили освоить Марс привычными земными методами. Что предпримет в ответ Красная планета, не предугадать. Но я уверен – обещание своё они выполнят. При несоблюдении Условия – никаких у нас перспектив. Не видать ни воды, ни даже временных поселений.

Книга раскрылась сама по себе. Металлический шелест прервал размышления. Я поднялся с кровати, посмотрел на себя в зеркало. И удивился: что это? Или кто? Нет, я, без сомнения, но… Рубашка в зеленую и пурпурную полоску, синий пиджак, джинсовые брюки, кроссовки. Такого набора у меня никогда не было. Да и быть не могло. А, вот в чём дело! Только что я не седой, да и в лице оптимизма не хватает. А так – вылитый Рэй.

– Мы решили, тебе понравится такой наряд, – раздался близкий шёпот, – «Марсианские хроники» инициированы нами, как предупреждение, как назидание. Но земляне так неразумны… Агрессивно бестолковы…

Я широко раскрыл глаза. Стена, отделяющая карцер от внешнего мира, исчезла. Передо мной расстелилось бескрайнее слегка волнующееся море. Рядом покачивается деревянная лодка. У мачты с поднятым парусом замерла марсианка. Без маски. Ее золотой взгляд излучает призыв. К моим ногам от борта протянулась световая полоска трапа. Я нахмурился, он ушёл обратно. Пройду так, босиком по воде… Для Марса я чист душой, как и Рэй.

– Ты волен не исчезнуть у нас. Станешь одним из тех, с кем говорят звёзды.

Потянуло оглянуться, но я оттолкнул импульс из несуществующего прошедшего времени. Меня ждёт другая грамматика. Позади в пространстве уже ничего из того, что было. Или не было? Там то же море. Аравийское… Как оно звучит на их языке? Или на моём?

А главный вопрос личной жизни теперь: с какой ноги делается первый верный шаг? С правой или левой?

Зеркало из Андалусии

Рустам отвернулся от монитора, поднялся с кресла, напряг мышцы торса, медленно расслабил. Полегчало. Вздохнул, подошёл к окну. За двойным стеклом и туманно-нечётким отражением его фигуры синий вечер. Двойное полупрозрачное зеркало, а как искажает! Лоб горячий, ладонь холодная. Привычная психосоматика или предчувствие? Рука потянулась к книжной полке и выбрала «Сказание об Иштар-Инане». Открыл случайную страницу. У Инаны среди даров – волшебное зеркало! У Македонского было такое же. Дальновидение, быстродействие… Невозможно, не в микромире живём. Или тысяча вторая ночь подступает? Нужна другая книга! Зажмурился, снова доверил выбор руке. Что здесь? Шахерезада рассказывает о странном месте в легендарной Андалусии. Дворец под двадцатью четырьмя замками. И там Зеркало! Арабские сказки – закодированная вневременная реальность. Вход в близкие миры. Близкие – значит достижимые. Непонятные совпадения! А начало им положил некий «Страж Зеркала», разыгрывающий в Интернете странную игру. Интермедию с множеством лиц. И у него зеркало!

Страж наверняка робот. Активен в сотнях групп всех социальных сетей, аккаунты процветают, максимум друзей и подписчиков. Никто о нём ничего не знает, в реале не найти – полтергейст виртуального мира. Рустам ведёт с ним диалог третий месяц, пытаясь определить, кто творец суперпрограммы. Алгоритм вскрытию не поддаётся. Не отсюда ли тревога? Страж охватил влиянием и корпорационно-государственное управление. За ним явно скрыт аномальный интеллект! Если инопланетяне, то в их руках или щупальцах вся инфраструктура планеты. Страж Зеркала везде, его не уничтожить, не изгнать. Разве что ликвидировать все действующие носители информации. Технически возможно, но вызовет коллапс. И всё равно не поможет!

Интуиция связывает усиление беспорядка на Земле с появлением Стража. Фундаментальный принцип Эмми Нётер применим и к социуму. Необходимость сохранения основных параметров в любой системе! Энергия бытия не исчезает, пока жива симметрия. Вселенная или человеческое сообщество – неважно. Физика и сознание неразрывны, взаимозависимы – факт реальности. Хозяева программы неизвестного происхождения раскачивают стабильность мира, ускоряют энтропию! Не исключено, через колебания вакуума. К такому выводу пришёл Рустам, исследуя влияние Стража Зеркала на мир людей. Сегодня исследование завершено.

* * *

Преодолев приступ страха, Рустам поместил анализ виртуальной загадки во всех доступных сетях. Передвинул к компьютеру прикроватный столик с бутылкой рома «Вампир», тарелочку с мармеладом и зефиром. Набил трубку любимым «Ларсеном». Выпустив клуб дыма, включил телевизор. Наступил час «Футурум-Вестей», новостной программы Стража Зеркала. Налил полстакана и выпил единым духом. Выдохнул, отправил следом кусочек мармелада.

Нормальный контраст, и вовремя: Страж предложил ужасное видео. Над мегаполисом полупрозрачный красный купол странного смога. Высотки деформируются, как бы плывут-искажаются в горячем воздухе. Дороги пузырятся, асфальт лопается, транспорт встал. Люди бегут в природу, в заброшенные деревни и хутора. Но они ничего не умеют. Ни строить-ремонтировать жилища, ни добывать воду, ни готовить пищу на огне. Даже не знают, как разжечь правильный костёр. Не понимают, что из растущего-живущего кругом съедобно или ядовито. Люди обречены – склады продовольствия и прочих ресурсов в городах или рядом с ними недоступны. Картина обречённой цивилизации… Неужели репортаж из будущего?

– Какое страшное фэнтези! – шепчет поражённый Рустам.

И слышит ответ Стража из динамиков компьютера:

– Фэнтези, друг мой Рустам – техническая литература. Руководство по поведению в небывальщине. Тебе ведь не интересен голый вымысел.

Рустам вздрогнул. Началось! Неизвестная программа реагирует на опубликованный анализ.

– Я разделяю твою любовь к древним сказаниям, Рустам! Хочешь взглянуть на ту Андалусию? Я покажу кое-что. Предварительно…

Как Страж угадал ту самую страницу тома арабских сказок? Экран показывает двести семьдесят третью ночь Шахерезады. Удивительно красивый, цветной дворец-замок. Распахиваются ворота, камера следует мимо фонтана во внутренние помещения. На стенах красочные фрески, всюду драгоценности. Взгляд Рустама фиксирует детали. Столик Сулеймана из зелёного изумруда. Псалмы на золотой бумаге, украшенной каменьями. Книга о свойствах камней и растений, составлении ядов и противоядий. А в ней подробная карта того мира. Запечатанные кувшины эликсира, способного превращать серебро в чистое золото. А в дальней, самой большой комнате: «Зеркало – большое круглое и дивное, сделанное из разных составов для пророка Аллаха Сулеймана, сына Давида, – мир с ними обоими! И когда посмотрит в него смотрящий, он увидит воочию все семь климатов». Так написано в книге. И так сказано Стражем. Зеркало!

* * *

Страж предложил разговор по Скайпу. Взволнованный Рустам сделал три глотка из бутылки, забыл закусить и согласился. Лицо на экране симпатичное, мужское. Не старше тридцати, располагает…

– Рад встрече, брат, – сказал Страж приятным баритоном, – Ты в растерянности? Не веришь собственной правоте. Гадаешь, кто перед тобой. Считай меня скрытой мудростью своего мира.

Рустам проглотил нервный комок и спросил:

– А своей мудрости у нас нет?

– А то ты не в курсе… Сам же написал: развитие цивилизации привело к накоплению перекосов в технологиях, дестабилизации социума. Симметрия нарушена, критический уровень близок. Близится эра анархии, хаоса. Так?

– Симметрия? – Рустам глотнул рома, – Ты из червоточины? К нарушению законов сохранения энергии могут привести и пространственные дыры. Кротовые норы. И Земля ни при чём. Я ведь и такой вывод сделал.

– А почему не наоборот? – возразил Страж, – Нарушение законов сохранения приводит к образованию тех самых дыр-проколов? С Великой Пустотой не шутят. Она отзывается на любую активность Наблюдателя. То есть человека. Ибо всё создано и завязано для и на него. Но об этом ещё побеседуем. Что ты брат Рустам, сам желаешь? Для себя?

– Мудрости. И посетить тот дворец.

– Легко! – воскликнул Страж, – Как я рад! И что ты выберешь из тех сокровищ? Злато-серебро? Столик Соломона? Волшебный эликсир?

– Зачем? – удивился Рустам, – Зеркало! Зеркало, сделанное для Соломона. Оно не простое…

– Но это же сказка! Ты веришь в них?

– В такие – да, верю!

После «Футурум-Вестей» пошли официальные сообщения. Сняты с должностей ведущие программ, редакторы, инженеры студий. Начато расследование. Несколько раз упомянут анализ Рустама с указанием фамилии. Скоро к нему явятся. На это он и рассчитывал.

* * *

Явились ребята крепкие, закалённые, без особых примет. Иван Петров, блондин выше среднего роста, со сжатым в линию ртом. Пётр Иванов, шатен чуть пониже, с полными, но бледными губами. Он и начал разговор:

– Полковник, вы ветеран спецназа и понимаете. Откуда взят анализ планетарной обстановки? Вы после увольнения увлеклись научной картиной мира. Но вы же не профессионал-учёный. Советую ничего не скрывать!

– Ну-ну, – вмешался его коллега, растянув губы в подобии улыбки, – Рустам Валерьевич, простите, но мы обязаны выяснить источник информации…

Рустам плеснул в стакан рома и молча выпил. Шатен Иванов продолжил:

– Так. И в чём же главная причина происходящего?

– Я же написал: чужой искусственный интеллект внедрился в цивилизацию. Через червоточину или как – пока неважно. Цель мне не совсем ясна. Догадки имеются. Хотите?

– Непременно, – отреагировал Петров.

– Вмешательство ожидается реальное. Задача – изменить стратегию технического развития. Почему-то она им не нравится. Или мешает как-то. Их уровень гораздо выше нашего.

Гости переглянулись, и добрый шатен Иванов сообщил:

– Руководством создан специальный отряд из представителей различных служб. С включением профессионалов. Ученых и прочих. Мы – за вами…

Рустам вздохнул, допил, закусил зефирчиком. И сказал:

– Не предлагаю, вы на службе. Спецотряд? Хорошо, с чего-то надо начинать. Но передайте руководству: я буду работать при гарантии полной свободы действий. Ведь уцепились за мой анализ? Сама ситуация не так напрягает, как выводы? Если нет – попробуйте без меня…

– То есть как полная свобода? – удивился блондин Петров.

– А так – фиксируйте, анализируйте… Помогайте. Но не вмешивайтесь в ход процесса административным путём. Но это я не к вам. К руководству, – Рустам расслабленно улыбнулся.

* * *

Специальный отряд получил максимальные полномочия. Рустам ограничил общение двумя: командиром и консультантом. Командир отряда, Толя Шелуханов, полный, но подвижный, среднего роста генерал в усах наподобие казацких, источал бездну обаяния. И сразу очаровал Рустама хитрым и добрым взглядом. Но первым лицом держал себя Сима Бейтич, представитель секретного НИИ.

Свежий выпуск «Футурум-Вестей» шокировал отряд. Страж сообщил о создании в некоторых странах тайных спецподразделений, предназначенных отыскать источник вмешательства в жизнь планеты. Улыбнулся один Шелуханов. И спросил:

– Рустам, так это точно не происки врагов-конкурентов из-за бугра? Глобальный ВПК, объединение корпораций и тому подобное?

– Точно нет, – ответно улыбнулся Рустам.

Сима, строгим взглядом остановив следующий вопрос командира, принялся рассуждать об инвариантности лагранжиана. И выразил сомнение в связи происходящего с гравитацией и микромиром. Рустам не успел ему ответить. «Вести» завершились, на экране возникло лицо Стража Зеркала.

– Сима, ты не прав, – голос звучал проникновенно, ласково, – Ваша глобальная культура стремится к саморазрушению. Единой всепланетной системы ценностей не наблюдается. Нет у вас общей нравственно-духовной основы. Рустам приведёт отряд туда, где вы получите необходимые инструкции. Он ваш проводник, другого не будет…

* * *

Рустам ткнул пальцем в точку на карте. Шелуханов хмыкнул, приказал определить маршрут и согласовать со всеми инстанциями. У Рустама заныла давно зажившая рана в плече.

– Больно? – спросил с сочувствием Шелуханов.

– Кварки-глюоны возмущены, – очень серьёзно ответил Рустам, – Масса протона грозит уменьшиться…

– Как это? – удивился Сима.

– Господа учёные почему-то решили, что уровень цивилизации определяется суммой потребляемой внешней энергии. Чем больше – тем выше. Глупость! Вот где твой внутренний потенциал, Сима Бейтич? – не удержался от иронии Рустам, – Человеческий, не животный? В чём он?

– Да, с энергией микрокосма мы действительно не в ладах, – поддержал Шелуханов, – Но как к ней подойти, вот в чём вопрос!

* * *

В аэропорту назначения их настиг свежий выпуск «Футурум-Вестей». На экране телеприемника здание Дворца. Сердце Рустама дало сбой. А что, если Соломон на самом деле владел ключами к тайнам мира?

– Но этого дворца в реальности нет, – удивился андалусский гид, – Вы же не планируете визит в прошлое?

У Рустама запищал смартфон. На экране лицо Стража. И строгий голос:

– Дворец есть. И как только друг мой Рустам приблизится, обретёт полную реальность. Для незваного он недоступен.

– Так этот дворец может возникнуть где угодно! – воскликнул Рустам, – Здесь важен зов души!

Командир уже докладывал по телефону руководству. Страж улыбнулся и сказал:

– Толя! Передай: пусть не ищут ни замок, ни меня. И не надо спецназа для захвата. Я со всеми встречусь.

* * *

Во Дворец разрешено войти троим: командиру, учёному и Рустаму. В помещении с Зеркалом встретил человек в лёгком светлом костюме:

– Зовите меня Дарко, – сказал он узнаваемым голосом, – Я робот, как определил Рустам, но не совсем… Предисловий не будет. Начинаю собрание тех, от кого зависит будущее Земли.

На круговой стене проявилось множества лиц в рабочей обстановке. Президенты, премьеры, топ-менеджеры мирового уровня… Дарко задержал взгляд на лице Рустама и пояснил:

– Правящая элита. Надеюсь, и мыслящая.

И обратился к приглашённым:

– Вы никогда не собрались бы в такой тёплой обстановке. Заменить вас на других – несложно. Но, думаю, договоримся. Печати и нотариусы не понадобятся. Каждое слово, каждый жест надежно фиксируются. Информирую высокое собрание о реальной ситуации…

Краткая пауза. Собрание демонстрирует спектр высоких руководящих чувств.

– Анализ друга моего Рустама достаточно точен. Вакуум взволнован. Чуть изменится плотность, энергия – и он закипит. Начнётся локальная дестабилизация. Причина – процессы на Земле. Дисгармония! Вы погрузились в сновидения виртуальности, утонули в эрзац-культуре. Редкий умеет писать рукой, воспринимать интеллектуальные тексты. Ваша жизнь – технизированная подделка истинного бытия. Вы околдованы небытием, наступающей Тьмой. А ваше искусство – подделка подделки. Вы – пожиратели собственного времени. Сумма энтропии резко возросла. Локальный всплеск ложного вакуума ознаменует конец вашего пребывания на этом свете. Солнце исчезнет из Галактики. Но наши миры связаны! Люди Инаны способны себя защитить. Цена – отделение от вас. Да, предстоят крупные энергозатраты, но мы выйдем из кризиса. А ваш мир распадётся на атомы. Не исключено, и на кварки. Договор Спасения отправлен каждому из присутствующих на собрании. Поправки не предусмотрены.

Президент-лидер возмущённо заявил:

– Фантастика! Заговор! Игнорировать ультиматум!

И Дарко, улыбнувшись Рустаму, объявил:

– Ровно на минутку отключаю места вашего пребывания от всех видов энергии. Вы не сможете ни выйти из кабинетов, ни связаться с кем-либо.

Экраны показали панику самых влиятельных вельмож планеты. Через минуту Договор единогласно одобрили.

– Вопрос к тому, с кого всё и началось, – сказал родной президент, – Рустам, ты давно знал истину?

– Нет, – ответил Рустам, – Я шёл к анализу и выводам долго. Времени у военного ветерана достаточно. И сейчас не всё понимаю. Зеркало и Дарко… Они оба и центральный процессор, и вход в тот мир, и лицо Инаны, и обозреватель-браузер, и многое, о чём и помыслить трудно, – он прокашлялся, достал из кармана фляжку, отпил глоток, – У них контакт с Землей с давних времён. Надеялись, что мы сами изменим стратегию технологического развития. Земной конец света отзовётся у них. Придётся нам вернуться в Сказку. К жизни без излишеств…

– Но Дарко – робот. А кто и где Хозяин? – спросил Сима Бейтич.

Дарко сделал шаг в сторону. Плоскость Зеркала пошла круговыми волнами. Из них вышел человек и протянул руку Рустаму:

– Рад встрече, брат. Согласен на должность полпреда Земли на Инане?

И, обратившись к ликам земных вождей, завершил встречу:

– Меня зовут Гариб. Дарко – моё второе Я. Альтер-Эго. Связь между нами непрерывная и моментальная. Для вас между нами нет разницы. Инана – имя звезды и планеты. В вашем небе есть отражение… Добавлю к сказанному Дарко. Мы – в одной системе. Две половинки одного целого. Энтропия целого равна сумме энтропий его частей. Это и у вас известно, даже без логарифмов. У нас она низкая, у вас быстро умножается. В итоге регрессирует вся система. В вашей научной картине мира царит непознаваемая беспричинность. Масса формул с плавающими поправками и константами, калейдоскоп теорий, Эверест гипотез. Узкоспециализированное мышление. Макрокосм с микромиром не стыкуются. Первопричина – отказ от единого Закона для всего сущего. Выполнение Договора проконтролирует Дарко. Рустам уйдёт со мной. А вам – срочно демонтировать техносферу. Дел много…

Барьер не для блаженных

С потолка струился мощный поток электрического света, бессильный заменить всепроникающее сияние лунного серебра, разлитого под куполом Второго причала Внешнего Космодрома. Все кругом мертвенно бледное, чужое и неуютное. Через минуту глаза свыклись с искусственным освещением. Впечатление изменилось, как в послепраздничный день, когда на смену тяжелому утру приходит оживляющий полдень, возвращая утерянную бодрость.

Центральный салон яхты, рассчитанный на две тысячи человек, быстро заполнялся. Текущая через посадочный люк людская река растекалась ручейками по проходам салона и исчезала в рядах оранжево-желтых полосатых кресел. Натали с Иваном опоздали к началу посадки и оказались в числе последних. Окинув взглядом салон, Иван прошептал Натали, что чувствует себя Ионой во внутренностях проголодавшегося чудовища. По-хозяйски звонко прогремели литавры, легко погасив гул, созданный движением сотен людей. Натали от неожиданности вздрогнула. Иван вновь наклонился к ней и успокаивающе шепнул: «Не торопись. Сейчас нас ознакомят с кодексом поведения, потом по каютам. В путь рановато».

Выгнутая наружу громадная плоскость фронтальной стены растаяла, обратившись в окно ошеломляющих размеров. «Это уж слишком, – подумал Иван, – Каково же в первых рядах!» Действительно, даже здесь, рядом с люком посадки, отстоящим от экрана метров на сорок, размеры изображения деформировали восприятие, создавали резкий дискомфорт.

В центре экрана-стены, спиной к пассажирам-зрителям, сидят двое в голубой униформе; над широкими, сверкающими полированным металлом спинками кресел видны их плечи и головы. Иван сообразил: показывают рубку управления. Шар фонаря рубки отлит из дымчато-белесого, не совсем прозрачного материала: в его туманной глубине виднеются серо-белые пятна, уходящие рядами к темному большому диску с размытыми краями; справа и слева от диска за яркими отблесками солнечных лучей угадывались другие причалы Внешнего Космодрома.

Солнце спряталось за тыльной стороной сооружений космодрома, за конгломератом обеспечивающих инфраструктур, и над большинством причалов царил лунный день. Причалы, медленно обращаясь вокруг общей оси, периодически попадали в область локального солнечного затмения, создаваемого громадами тыловых структур космодрома. Земля висела где-то в стороне и ее небесного присутствия ни на причале, ни в яхте сейчас не ощущалось.

Иван отметил свою первую ошибку восприятия: фонарь рубки управления обрел полную прозрачность и в нее свободно проник стекающий с ущербного лунного диска голубоватый свет, чуть подкрашенный розоватым сиянием защитного купола причала. Перед двумя голиафами в креслах проявилась панель управления, отделившая первую дежурную смену от подлунного пейзажа. Пробежав глазами по скопищу цветных шкал, клавишей-сенсоров, тумблеров, ручек, различного размера экранов, Иван удивился тому, как возможно вдвоем управляться с таким хозяйством. Разве нельзя все доверить электронному мозгу, оставив несколько контрольных приборов для экипажа? Впрочем, легко и ошибиться: за наглядной архаичностью могла скрываться некая важная целесообразность.

Пока Иван разглядывал техническое оснащение рубки, цвета на экране налились сочностью, обрели мягкость полутонов. Рубка и причал, видимые посредством оптических систем, стали похожи на картинку из компьютерных игр. В сознании Ивана установилось ощущение невозможности различения миража и реальности. Яхта стоит на шахматном поле, которое могло бы называться в прошлые времена взлетно-посадочной полосой. Связанные с поколениями покорителей пространства гены Ивана помнят, что когда-то космические корабли для преодоления гравитации стартовали по таким полосам, опираясь на собственные колеса. Так же они приземлялись и даже прилунивались. Обтекаемые, вытянутые по направлению движе-

ния изящные тела летательных аппаратов прошлого виделись ему сейчас почти наяву. Они могли бы стоять и на этом громадном шахматном поле, готовясь к старту; их силуэты не оказались бы тут не к месту.

Иван иногда сожалел, что погубил в себе историка – при мысли о чем-то из прошлого, достаточно удаленного, чтобы не быть навязчиво конкретным, его всегда охватывали трепет и неизъяснимое очарование. Цвета и запахи долгих путешествий, треск парусов над волнами дальних морей… Потерянное во времени желало властвовать, погружая в трепетную атмосферу ожидания, предвкушения чуда. Чудо… Как в сказке, где борются добро и зло. Да, и зло, поныне не изжитое из человеческих судеб. Усилием воли он отогнал тревожные и мучительные воспоминания.

А может быть, его призванием была вовсе не история, а профессия детского сказочника? Да, именно сказочника потеряло в нем человечество, решил Иван, вбирая широко раскрытыми глазами волшебную панораму искусственного подлунного мира, отделившегося от Земли и уходящего в тень детского воображения. Сказки для взрослых Иван не любил, считая их плодами больной фантазии, предназначенными для инфантильных стариков и старушек, уже не могущих воспринимать реальность полной мерой. Может быть, и его в старости будет тянуть к фантастике и прочим попыткам заслонить красочное бытие бледными творениями игры человеческого ума. Игры без правил и законов…

Размышления Ивана остановила та же вездесущая реальность: сквозь прозрачное стекло рубки он увидел, как два электробуксира, напоминающие желто-зеленых жучков, тянули к яхте старткатера, выглядевшие маленькими тоненькими свечками, только что снятыми с рождественской елки. Четыре такие свечки поднимут яхту за пределы причала. Уже там, в открытом пространстве развернется Парус, наполнится солнечным ветром и понесет их в дальний рейс, первый для большинства пассажиров-туристов, не знакомых с дальним космосом. И все-таки разве может космический парус сравниться с парусами каравелл и бригантин? Да и что общего у космической пустыни с полным жизни океаном Земли?

Вместе со всеми Иван продолжал разглядывать рубку управления и расстилающийся вокруг нее обжитый человеком простор причала. Перед туристами только двое; остальные члены экипажа, конечно же, каждый на своем месте, в предстартовой готовности, и проверяют надежность работы узлов-агрегатов сложного оборудования яхты. Еще раз прозвучала невидимая медь литавров, люди в рубке натянули на головы мягкие голубые шлемы, а сидевший слева вместе с креслом повернулся кругом. По салону пронесся шепот: многие узнали ветерана космофлота Майка Дарре. Видимо, в рубке находился экран обратной видеосвязи с салоном, так как Майк широко улыбнулся, прежде чем заговорил.

– Я Майк Дарре. Рад, что меня узнали! Мы с Брегом приветствуем вас, дамы и господа, на борту «Гандхарвы». Я здесь в привычной должности капитана. Рядом со мной – Брег Синг, главный навигатор. Он занят проверкой навигационных систем и просит прощения, что не может пока показаться анфас, – капитан дружески хлопнул навигатора по плечу, тот наклонил голову в знак согласия, – Но у нас будет время познакомиться поближе. Вы доверились компании «Астрея». И вы правильно сделали: компания «Астрея» – это компания нерушимых традиций и полезных привычек. На них строится вся наша жизнь, уверяю вас. И моя тоже, если кого-нибудь это интересует, с тех самых пор, как я покинул государственную службу и обосновался тут. Да, именно в традициях и привычках, в них залог надежности и привлекательности. Именно потому на судах компании «Астрея» никогда нет ни одного свободного места. Нет его и сейчас на борту «Гандхарвы»! Оглянитесь, осмотритесь – все кресла заняты.

Гандхарва…

Название яхты прозвучало в исполнении капитана музыкально, округло и значительно. В нем ощущалось что-то тяжелое и приятное. Как в шарике мороженого с орехом и сюрпризом.

Их так любила Натали в прошлой жизни… Капитан сделал эффектную паузу, и Иван подумал, что Майку Дарре платят в компании не только за выполнение капитанских обязанностей.

– «Гандхарва», – Майк поднял правую руку и сделал ей широкий жест над головой, – прогулочная яхта первого класса, обслуживающая клиентов компании «Астрея» по высшему разряду. Вы в этом убедитесь с первой минуты нашего путешествия. Яхта двухпалубная, трехуровневая. Оснащена двигателями трех типов. Подробности вы найдете в рекламных изданиях компании, они ждут вас в каютах и спальных комнатах. Я сообщу только самое главное. Самое главное с моей позиции, с точки зрения пилота, имеющего некоторый опыт. Если вы согласны, естественно, – тут капитан Майк вновь прибегнул к паузе, используемой им не хуже опытного актера; дождавшись аплодисментов и сдержанного одобрительного гула, Майк сотворил еще более ослепительную улыбку, – Самое главное, то, чем отличается наша яхта от других судов компании или судов других компаний – вот что надо знать! Зная это главное, вы сможете быть значительно увереннее в себе, потому что сделали удачный выбор. Удача всегда важна, в любой ситуации, не так ли? Вы должны быть уверены, как уверен я – вы не ошиблись! И помните, на ближайшие сто дней хозяева яхты – вы.

Похоже, капитан «Гандхарвы» Майк Дарре, знаменитый пилот-разведчик Объединенного Космофлота, обладал даром проповедника. Словно сирена, он завораживал слушателей. Иван, забыв о Натали, обратился весь в слух и зрение.

– Таким образом, экипаж под моей командой – ваши служители. От капитана до стюарда мы обозначены в реестре компании как служители! Для нас нет ничего более важного, чем обеспечить вам максимум комфорта и интереса. На нашей яхте две палубы и потому две цены круиза. Большинство из вас, а это полторы тысячи самых удачливых людей Системы, займут палубу второго класса; здесь для вас общий салон, оборудованный унифицированными креслами и самым большим экраном, обеспечивающим максимальный эффект присутствия в рубке управления и других местах яхты, четырех и двуспальные герметичные капсулы, рестораны и прочее такое. Вы правильно догадались – салон, о котором я говорю, тот самый, в котором вы сейчас находитесь. Нравится? Я в этом не сомневался. А теперь оглянитесь вокруг. Видите три яруса люков? Это двери в капсулы. Они соединены трапами. На второй и третий этажи можно попасть как обычной лестницей, так и гидравлическими лифтами. Их здесь три. Кстати, ваши вещи уже доставлены на места. Палуба первого класса для остальных пятиста пассажиров лишена общего салона, что, несомненно, делает ее несколько скучнее. Пассажиры первого класса размещаются в каютах семейного типа, подобным малогабаритным недорогим квартирам, надоевшим всем нам на Земле. Но, естественно, и здесь свои плюсы…

Иван боковым зрением отметил, как Натали своим характерным жестом качнула вытянутым указательным пальцем у лба и чуть коснулась им щеки. Понял, что Натали что-то хочет сказать и наклонил голову.

– Тебе не кажется, что после такой рекламы наши соседи по каютам сбегут на общую палубу, оставив нас в одиночестве? – голос Натали звучал непривычно весело, и Иван от удовольствия тихонько рассмеялся.

– Капитану важно привлечь симпатии большинства, – Иван говорил по-прежнему шепотом, касаясь губами дрожащего локона над ухом Натали, – Он ведет себя как политик перед выборами. А политика и правда всегда стояли спиной друг к другу. Кто об этом не знает? Капитан рассчитывает, что люди после круиза будут писать в руководство Компании. Люди любят писать письма по всякому поводу. Майк Дарре сделал себе славу в космической разведке, и теперь меняет ее в «Астрее» на кредитки. Людям всегда хочется того, чего у них нет или недостает. А нужно ли им то, чего они добиваются – такой вопрос приходит после.

– Но зачем нам рекламная лекция в интересах «Астреи»? Может, не будем терять времени и пойдем к себе? Дорогу-то найдем?

Натали явно недоставало впечатлений, а в монологе капитана действительно ощущался недостаток по-настоящему интересной информации. Она была права, ведь путешествие затеяно только для того, чтобы помочь ей справиться с депрессией. А о видах, охваченных панорамой экрана, рассказать словами едва ли получится.

– Я согласен с тобой, Нат, – Иван надеялся, что капитан сообщит нечто такое, чего нет в рекламных проспектах, – Но предлагаю послушать Майка. Он опытный профи, и наверняка приготовил что-нибудь жареное. Внутренний голос подсказывает мне, что рейс будет необычным.

Натали, немного подумав, согласно кивнула. Она привыкла доверять интуиции Ивана.

– …маршевый, основной двигатель яхты – Солнечный Парус. Вы его увидите в натуральных размерах после того, как нас вытянут через колпак причала вон те свечки, – Майк Дарре махнул рукой за спину, – Дело в том, что Парусу просто не хватит места под охранным куполом причала. Кроме Паруса, – капитан с любовью выделял слово «Парус» среди всех прочих, оно звучало у него как имя любимой женщины, произносимое наедине с самим собой, – У нас есть коррекционные двигатели реактивного типа и резервный атомный двигатель. В нормальном состоянии он холодный. Этого набора достаточно, чтобы добраться до границ Системы и вернуться на этот самый причал как ни в чем ни бывало. Мы же пойдем недалеко, коснемся Юпитера и назад.

Майк помолчал, нахмурив высокий умный лоб и сжав красиво вырезанные губы киногероя.

– Компания «Астрея» и ее председатель господин Кларк, – в левом верхнем углу экрана появился громадный портрет: мощное, состоящее из львиных складок лицо с зажатой в толстых губах могучей сигарой; лицо явно заслуживало доверия своей монументальностью и основательностью, – а также мой экипаж уверенно гарантируют вам своевременную и успешную доставку назад к вашим дедушкам и бабушкам, близким и незнакомым. Кроме всего прочего, наши гарантии основываются на специальной конструкции системы жизнеобеспечения. Но о ней немного позже. Я займусь сейчас своими обязанностями, а разговор продолжит стюардесса-комментатор мисс Кэтрин. Есть у нас и такие должности. А вот и она, прошу вас, Кэт.

Капитан лихо развернул кресло в рабочее положение, на месте львиной головы председателя «Астреи» господина Кларка появилось миловидное личико. Поверх изощренной прически сиял золотом обруч связи, придавая ей вид инопланетянки.

– Добрый день! Вы уже успели почувствовать себя на яхте как дома. Оно так и есть, если не считать маленького отличия: дома вы никогда не сможете увидеть тех чудес Вселенной, которые обозначены в маршруте нашего круиза. Мы все время будем находиться вплотную к тайне, плыть рядом с тайной, сталкиваться с тайной. И ваше любопытство будет удовлетворено надолго, мы вам это обещаем. А после возвращения вы станете самыми модными рассказчиками в кругу ваших друзей.

Стюардесса Кэт очаровательно улыбнулась метровой улыбкой, показав образцовые зубы, входящие среди прочих достоинств яхты в реестр Компании, в набор, предназначенный оправдать стоимость круиза.

– Наш маршрут окутан дымкой легенд и преданий. С глубокой древности о спутниках Юпитера, о Венере, о Марсе, поясе астероидов и особенно Артефакте, открытом Горбовским, складывали сказки и были, правдоподобные и не очень. Никто во всем мире не выяснил, какова степень их достоверности. Может быть, вам повезет больше других.

Иван поморщился – опять сказки для взрослых. Они тут явно в ходу. Придется терпеть досужие выдумки, чтобы не портить настроение Натали. В таких вещах она занимает противоположную позицию.

– Послушайте меня внимательно, вам у нас понравится. Как нравится здесь мне и моим друзьям. У нас в хранилище есть дополнительный материал. И мы всегда готовы предоставить его желающим. Это так интересно! И, уверяю вас, полезно.

Стюардесса Кэт использовала для передачи информации женскую логику, соединяя разнородные по смыслу фразы в нечто цельное, делая не вытекающие из сказанного выводы. И, странно, Иван, обычно с трудом выносивший таковое, не испытывал возмущения. Видно, вдали от привычно-домашнего все то, что связывает человека с постоянством быта, кажется теплым и своим, несмотря на абсурдность или бесполезность.

– Я не знаю точно, в какой последовательности мы пройдем пункты маршрута, это зависит от вас и капитана Майка. Но это неважно. Вот послушайте несколько легенд. Они могут вам понадобиться. Миф о Венере знаете? Самое интересное в нем то, что Венера исполняет самые невероятные желания влюбленных. Для этого нужно хоть один разок облететь ее по круговой орбите. Делайте ваши заявки! А вот о Фаэтоне. Все знают о планете, которая рассыпалась роем осколков. Летающие мимо пояса астероидов пилоты уверены, что жизнь еще теплится на кусочках планеты. Или внутри них. Говорят, есть факты, но они малоизвестны. Возможно, они не имеют отношения к планете Фаэтон. А вот еще одна интересная легенда. Первые космолетчики говорили: за орбитой Марса существует какой-то барьер, задерживающий недостойных. Тогда Марс был самой дальней точкой обжитого Космоса. И те, кто впервые заговорил о барьере для недостойных, никогда не бывали в тех местах. И хотя здесь много неясного – например, что значит недостойность – среди космолетчиков, бывающих за пределами пояса, поверье живет. Пилоты ближних рейсов незнакомы с этой легендой. Понятно, ведь прецедента в практике полетов пока не было. Извините, принято говорить «плаваний», а не полетов. Кстати, капитан Майк считает, что барьер представляет собой сферу вокруг Солнца. Границы ее где-то между орбитами Марса и Юпитера. Между двумя разными группами планет Системы: гигантами и нормальными. Разве такое логично? Или да? Разные вещи и должны быть чем-то разделены. Но пояс астероидов, считает Майк, здесь абсолютно ни при чем.

В разговор вступил, на этот раз не поворачиваясь лицом к зрителям, Майк Дарре. Голос его звучал деловито, сухо:

– Есть мнение, что барьер очищает излучения, идущие из космических глубин, от вредной для жизни компоненты. Любители экстравагантного мышления считают, что барьер связан с фаэтами, создан ими. Некоторые уверены, что барьером обозначена сфера действия невидимой людям вселенской полиции морали. Она-то и не выпускает безнравственность за установленные пределы. Безнравственность в любой форме: от теле- и радиопередач до мыслей человека. Вместе с их носителями, разумеется. Принимайте за правду то, что вам нравится. Мне загадка пока не по силам.

Ивану послышалось, будто Натали что-то шепчет. Он прислушался, но уловил всего несколько отдельных, не связанных между собой слов: «…барьер, …заповеди, не для них, … для других», опять что-то про барьер и сферу потом она несколько раз повторила: «не для блаженных». И, почувствовав внимание Ивана, замолчала. Решив не отвлекаться от экрана, Иван решил как-нибудь поинтересоваться, о чем Натали думала и что шептала во время изложения очаровательной Кэт и воплощением мужества капитаном Дарре космических легенд. Да и посоветоваться с врачом не мешало бы. Вдруг стремление выражать мысли вот так, шепотом, что-нибудь означает? Как бы ее болезнь не усилилась в плавании. У них тут медицина явно не ахти…

Между тем Майк продолжал свой рассказ:

– Но, поскольку, повторяю, ничего подтверждающего отмеченные гипотезы в истории космонавтики не случалось, мы считаем предания и легенды обычными сказками, – Иван нахмурился: Майк, вопреки ожиданиям, мыслил не в том ключе, – Сказок придумано много и их не надо бояться. Тем не менее, во исполнение традиций Компании и по личной просьбе

господина Кларка прошу всех преисполниться доброты, отбросить все зло, оставить его в пространстве Внешнего Космодрома Земли, где оно нейтрализуется влиянием вездесущего вакуума. Улыбка и радость да сопутствуют нам в течение всего плавания!

Майк смолк, пассажиры вновь увидели лицо служительницы информбюро яхты Кэт.

– Если кому-то все же будет грустно либо скучно, Компания готова компенсировать издержки в любой форме. Ваше хорошее настроение входит в оплату путешествия. Таков закон круиза! А теперь я вас познакомлю с личным представителем президента Кларка господином Тосканом. Он сопровождает нас в круизе, и ему есть что сказать вам.

Личико обворожительной Кэт сменило высеченное из камня лицо: холодные глаза в сетке усталых мудрых морщин, сверхкрепкий греческий нос, бронированные скулы, соединенные пружиной мужественного рта. Типичный супергерой, подумал Иван. Держат, наверное, за внешность. Голос личного представителя полностью соответствовал его облику, пропитанный уверенностью и непреклонностью. Да, подбор кадров в компании господина Кларка ведется серьезно.

– Каждый из вас приобрел страховой полис. Вы застраховали у нас все, что только можно, даже насыщенность развлечениями. Вы абсолютно правы. Теперь вы можете требовать от нас максимума напряженности в работе. В пределах, конечно, разумного риска. А риск мы вам обещаем. В нужных дозах. Каждый почувствует себя, когда захочет, членом экипажа, побывает на любом посту дежурной смены. Внешняя поверхность яхты оснащена множеством глаз-объективов. Рубка управления сейчас кажется вам совсем прозрачной и потому хрупкой. Но это не так, она защищена многослойной броней, как и другие отсеки. Эту сверхпрочную броню еще не научились делать прозрачной. Изображение окружающего пространства создают десятки встроенных в защиту микролинз. Если посмотреть на шар рубки снаружи, она напомнит фасеточный глаз насекомого. Создаваемое изображение переносится на все экраны во всех помещениях. Рубка управления, в которой сосредоточена центральная нервная система «Гандхарвы», всегда открыта вашему вниманию. Эффект присутствия, как видите, почти стопроцентный. Вы пользуетесь картинкой, неотличимой от реальности. Кстати, замечу, с путаницей иллюзии и действительности вам еще придется столкнуться. Но не буду предвосхищать сюрпризы, встроенные в программу плавания. Неожиданность часть нашей работы и компонент ваших переживаний во время круиза! В заключение от имени президента Кларка хочу сообщить: ваше слово и желание для нас обязательны. Мне предоставлено право уволить любого служителя яхты за невыполнение этого правила. Но, как в любом обществе, право гарантируется обязанностями. О них вам сообщит капитан Майк. Счастливого старта и до встречи.

Героическое лицо личного представителя, заставившее утихнуть на время речи даже непослушных детей, пропало с экрана. Его место заняла не Кэт, а другой стюард-комментатор. У Ивана создавалось впечатление, что число служителей на Яхте сравнимо с количеством туристов.

– Космос требует совмещения должностей и профессий. Причины понятны. За исключением некоторых, не подлежащих совмещению. Примерами чистых профессий у нас являются капитан и пилоты-помощники, навигаторы и дежурные смены систем энергетики и жизнеобеспечения. А меня или Кэт, других наших коллег, вы можете услышать на одном из пяти информканалов, увидеть в ресторане, встретить в других местах. Везде мы к вашим услугам. Перед тем как развернется Солнечный Парус, мы пройдем по всем каютам, спальным комнатам и покажем, как пользоваться оборудованием, чтобы добиться максимального комфорта. Только после этого управление вашими помещениями перейдет исключительно в ваши руки.

Ознакомительную беседу продолжил капитан, опять повернувшись с креслом лицом к зрителям:

– Яхты первого класса отличаются исключительной надежностью в работе систем жизнеобеспечения. За три десятка лет мне пришлось пробовать корабли разных классов и типов.

Первый класс среди яхт типа «Гандхарва» пока самый высокий, существуют еще суда второго и третьего классов. Года через два туристические маршруты будут осваиваться судами принципиально нового типа. Но о них я ничего не могу сказать. Предпочитаю реальности дня. Если бы вы выбрали себе транспорт второго класса, то все ваши, извините, экскременты пришлось бы возить с собой вплоть до возвращения. Не совсем удобное соседство, не правда ли? Наша система смешанного типа, что означает: большая часть продуктов метаболизма участвует в полном кругообороте. Мы как бы повторяем кругооборот веществ в биосфере Земли. А биосфера, если ей не мешать, стремится к экологической чистоте. Это позволяет нам иметь на борту, кроме необходимых продуктов, всяческие деликатесы. Напоминаю, что питание на «Гандхарве» бесплатное, а меню составляется с учетом состояния здоровья и пожеланий каждого из вас.

– Бесплатно – значит, плата за питание перекрыта стоимостью билета? – спросила Натали, – Или у них сплошь синтетическая пища?

– Насчет стоимости ты безусловно права. Но синтетика!? Нет, не думаю. Слишком велика конкуренция на туристических маршрутах, подобных нашему.

Натали в последнее время задает много вопросов. Интересно, можно ли это рассматривать как признак установления психического равновесия? Или все-таки тревожный знак? А с экрана продолжается инструктаж:

– В каждой спальне, в каждой каюте в герметических контейнерах размещен неприкосновенный запас. Служители компании помогут вам научиться пользоваться оборудованием, с помощью которого достигается та самая высокая степень надежности нашего путешествия, о которой вы хорошо осведомлены, – капитан замолчал, сдвинув брови.

Иван решил, что нужная информация транслируется в шлем капитана и ему нет необходимости держать все в памяти. Все-таки по основной профессии он не гид, а пилот. И внимательно слушал.

– Вам надо помнить, что в случае общей разгерметизации жилые отсеки становятся автономными, каждому из вас приготовлен скафандр высшей защиты, пользованию которым вы уже обучены. Чтобы вас совсем успокоить, добавлю: яхта «Гандхарва» будет находиться под постоянным вниманием Три-эС – Спасательной Службы Системы – а это само по себе прекрасно. Каждый знает, – спасатели никогда не опаздывают! Все точки нашего маршрута перекрыты секторами влияния спасательных судов Три-эС. Кроме того, в целях безопасности пассажирам запрещено переходить на другие палубы и служебные уровни яхты, запрещено находиться в служебных помещениях и вмешиваться в работу экипажа. С увеличением риска мы, естественно, будем повышать порог безопасности. Но зазор между ними, конечно, остается всегда. На то и жизнь, – философски заметил Майк и, заметно уставший от непривычно долгой речи, предоставил слово бюро информации, а сам повернул кресло и присоединился к навигатору Бергу.

В динамиках информоборудования зазвучал женский голос:

– Мы просим вас извинить за некоторые неудобства в повседневности, вытекающие из несовершенства земной техники. Дело в том, что некоторые моменты быта на яхте, как и на всех космических судах, унифицированы. Без стандартизации и нормирования пока, к сожалению, обойтись невозможно. Это относится к питанию, отправлению естественных надобностей, гигиене. Основное вам сообщили при покупке билетов. Подробные инструкции вы найдете в каютах, салонах и местах общего пользования палубы второго класса. Не забудьте ознакомиться с рекламными буклетами и всем прочим, это сильно облегчит вашу жизнь на борту «Гандхарвы». Желаем вам отдыха и развлечений! Желающие могут остаться в салоне, чтобы продолжить наблюдение за работой экипажа по подготовке к старту, посмотреть, как выводится яхта за пределы причала Внешнего Космопорта.

* * *

Натали все-таки не выдержала бесконечной лекции с парадом служителей компании «Астрея» и им пришлось покинуть салон до окончания первой встречи туристов с командой Майка Дарре. Оказавшийся рядом с выходом молодой человек в синей куртке и голубых шортах представился им и предложил услуги. Чтобы не блуждать по этажам и коридорам, Иван попросил служителя проводить к каюте. Быстрым внимательным взглядом осмотрев билеты, тот пошел впереди. Оказавшись у люка каюты, Иван понял, как верно поступил, не послушав Натали, которая хотела дойти без проводника. Выслушай женщину и сделай наоборот – вот один из вечных критериев определения истинности выбора. Без проводника только случайно можно обнаружить свою каюту в лабиринте проходов, трапов, коридоров, рекреационных зон. Металлопластик со специфической матовой окраской, зелень многочисленных насаждений и вьющихся по стенам цветов, мигание и свечение множества табло и указателей при полном отсутствии людей создавали ощущение неземного дворца. Оказавшийся здесь впервые подобно Ивану чувствовал себя незваным гостем.

Коротко сориентировав Ивана в принципах работы замков и датчиков входного люка, показав размещение обеспечивающего оборудования каюты, служитель поинтересовался, есть ли необходимость в продолжении урока. Решив, что полезнее самому разобраться во всем, Иван отказался от помощи и служитель раскланялся, напомнив, как в случае нужды вызвать кого-нибудь из персонала обеспечения.

Иван внимательно огляделся. Гостиная, спальня, санитарно-гигиенический отсек; несколько встроенных шкафов и хранилищ занимали по одной стене в комнатах. Три стены в гостиной и спальне поражали серой однотонностью, вызывая ощущение чего-то неприлично голого. Прекрасное решение для того, чтобы вынудить жильцов держать экраны включенными. Он объяснил все Натали, и принялся за изучение блока ручного управления каютой. Теплый на ощупь сиреневый шар умещался на ладони, пульсируя цветными пятнами датчиков, соединенных с замками люка, автономными коррекционными двигателями, системами подачи воды и пищи, вывода продуктов метаболизма. В шаре помещался также процессор, сохраняющий постоянную связь с главным мозгом яхты. Все очень просто. А когда нашел сенсоры управления экраном, стало даже уютно. Жаль, Натали не видит – стены исчезли, Иван оказался в рубке управления, совсем рядом с капитаном, за его спиной. Иван с трудом удержался от искушения протянуть руку и потрогать нашивки на его плечах, настолько сильным оказался эффект присутствия. Кроме наблюдения за дежурной сменой, можно подключиться к системе общего обзора за пространством, включить по желанию любую запись из видеотеки, выбрать нужный вид звукового сопровождения изображений: обычный комментарий, научно-информационный, научно-популярный и коммерческий. С этим можно более тщательно разобраться позднее. Того, что он успел определить, для Натали достаточно.

Пока Иван объяснял систему управления видами информации, изображение на стенах сменилось. Подняв глаза, он увидел общий салон яхты таким, как тот выглядел из рубки управления. Точка обзора находилась чуть выше средней линии салона, что позволяло видеть лицо каждого пассажира.

Встреча с командой закончилась. У проходов туристов поджидали служители в синих куртках и направляли либо на ярусы в жилые комнаты, либо в места общего пользования. Ивану понравилась неспешная работа по размещению пассажиров. Все делалось ненавязчиво, без лишних затрат энергии и времени. Разглядывая спокойные лица людей, впервые доверивших свои жизни Космосу в лице компании «Астрея», Иван видел, что они действительно

довольны своим «удачным выбором». Капитан Майк с помощниками плюс сверхколоритный господин Тосканов прекрасно делали свое дело.

Взгляд Ивана, скользнув в глубину салона, вернулся к первым рядам кресел. Что-то здесь возбуждало интерес. Работала интуиция, концентрируя внимание и требуя сосредоточенности. Вот оно! Лицо высокого, легкого в движении человека почти скрыто громадными полицветными очками-усилителями. Такие очки были модны лет десять назад, теперь их почти никто не носит. Их, вспомнил Иван, называли поляроидами, хотя ни о какой поляризации конструктор и не думал. Очки имели два сомнительных достоинства: меняли световое восприятие мира в зависимости от настроения и в то же время скрывали это самое настроение своими размерами. Маска-хамелеон, а не очки.

За последние беспокойные годы Иван твердо усвоил, – когда работает шестое чувство, надо ждать чего-то очень важного, даже чрезвычайного. И, чтобы не спугнуть ожидаемое открытие, надо полностью отключить контроль со стороны рассудка, творящий сомнение, и полностью довериться тайному внутреннему чутью. Груз прошлых ошибок привел его именно к такому выводу. Он не раз думал о том, что узнавание в общем-то всегда процесс интуитивный, что бы там ни говорили психологи. И особенно в тех случаях, когда явной информации недостаточно, и к тому же она сильно искажена. Очевидно, сегодня как раз такой случай.

* * *

Невероятно! Немыслимо! Даже холодок пробежал по спине. Встреча, которой он безуспешно добивался много месяцев, делается неотвратимой! И где! Все-таки не может быть! Не может!

Но необъяснимое, скрытое за глубинами сознания чувство подсказывает: ты знаешь этого человека. Чувство, не привыкшее сомневаться, раньше редко ошибалось. Но личность Ивана представляла собой, кроме шестого чувства, еще массу всяких напластований в форме рассудочно-логических связок. В ней господствовала формальная логика, начальная математика сложения азбучных понятий-слов, не позволяющая выйти за рамки точно определенного и знакомого, проверенного своим или чужим, но зафиксированным человеческим опытом. Практика – критерий истины! Человеческая ограниченная практика, признанная верховным судьей, держит крепко и бескомпромиссно. «Что сверх практики – то от лукавого», – таков краеугольный камень логики человека, какой бы гибкой и диалектичной она ни была, логики, связанной всей своей сутью с жесткой арифметикой бытия. Океан истины оставался всегда закрытым плотными облаками иллюзии всеобщего и личного опыта. Иван понял, что проник сквозь них, но продолжал колебаться. Оставаясь в абсолютной уверенности, что все-таки не ошибся. Вера и сомнение ходили в нем рядом всегда, и никогда заранее нельзя было определить, что победит. Пока очередная дорогостоящая ошибка не ткнет разбитым носом в недостаточность здравого смысла…

Оценив еще раз обстановку, Иван успокоился. В любом случае он его не выпустит. «Гандхарва» – не морская шхуна, с нее не бросишься в море искать близкую землю. Она находится в полете, а не в плавании. Но если это не Рыжий? Не Красный?

Называли Реда по-всякому, но все имена и прозвища укладывались в одну тональность. В его спектре доминировала одна полоса: ярко-рыжая, ядовито-светящаяся. Начиная с головы, она продолжалась везде. Он прямо люминесцировал ало-багровой частью солнечного спектра на весь свет. Ред мог служить идеальным наглядным пособием для начинающих химиков или астрофизиков в деле овладения методом спектрального анализа. Но, впрочем, надо отдать должное правде: оценка другого человека зависит от эмоционального к нему отношения. Ведь это сейчас Иван использует такие слова: «ядовитый», «наглядное пособие»… Раньше-то было

не так. Раньше цвет волос Реда являлся своеобразной визиткой, и он умело использовал ее для утверждения своей исключительности. Впрочем, его непохожесть на других была очевидна и без того. Реду во всем повезло многократно. Не так уж много в природе людей с волосами такой окраски. Можно даже сказать: их столько, что они не встречаются друг с другом. В этом присутствовал некий шарм. Как подать, конечно, не без этого. Плюс физическая одаренность. Плюс… Наверное, много еще плюсов, о которых не знал и сам Ред. И вот слишком много оказалось хуже чем недостаточно. Ничего слишком? Или ничего не слишком? Действительно ли между крайними кредо-утверждениями существует грань? Не одно ли они выражают, только по-разному, с разных сторон? Мысли Ивана прыгали и скакали словно обезьяны по веткам в тропическом лесу, насмешливо кривляясь и строя рожи.

Детина в очках имел мощный размах плеч. Редовский размах, старательно скрываемый неумелой сутулостью. Именно неумелой! Ред не был актером. Будучи скрытным по натуре человеком, он внешне, по форме, не менялся. Ред был сотворен для открытого самовыражения, подтверждая тем, что весь в парадоксах. Волос детины спускался на плечи длинными локонами. Воронными локонами. Очень редкий цвет, светящийся черный. Слишком ярко для натурального. И так у него во всем! В крайней степени естественности всегда намек на фальшь – эту истину с легкой руки Реда Иван научился понимать. Цвет выбирался характером, сутью человека. Рассыпавшись змеями по плечам, он скрывал пружинную, свернутую силу. Отвлекал от одного, скрывал другое. И, отвлекая, привлекал; скрывая – обнажал тайное. Поистине, нет ничего тайного, что не стало бы явным.

И линия губ… Рот волевой, но ощущается некая чувственность, чуть заметная полнота, искусно скрываемая. Ред был лишен такой черты. Привлекательность женского типа ему чужда, он демонстрировал тип мужской, твердый, истинно законченный, очень похожий на тоскановский. Словом, Ред – воплощение Ян, мужского, твердого начала без излишних вкраплений Инь, то есть начала женского, мягкого, темного: четкие без закруглений мощные линии, встречающиеся под прямыми, а то и острыми углами. Этакая беспощадная гармоничность. Гармония беспощадности.

Но ведь Иван оценивает Реда с позиций дня сегодняшнего, насыщенного отрицательными эмоциями. Может быть, он и преувеличивает. В незнакомости ищи привычные черты… Так, кажется говорили древние изобретатели полярности в природе, гармонии противоположностей Ян и Инь.

Настоянная на концентрированном беспощадном Ян, страсть Реда изменила внешность Ивана до неузнаваемости. Иван до сих пор – а прошло более двух лет – не привык к собственному отражению в зеркале. На пластическую операцию не было ни времени, ни желания. Операция имела бы смысл при одобрении Натали. Но она просто не знала истинной полной картины, ощущая своими пальцами отдельные шрамы. Ред проявил, сам того не зная, своеобразное великодушие: отобрав у Ивана лицо, он одновременно отнял у Натали зрение.

Равновесие сохранилось, опустившись на низшую ступень. Натали не выдержала внезапно навалившегося на нее несчастья, и глазные нервы парализовало. Потерю зрения Иван считал трагичнее потери внешности. И сложнее в то же время – блокировка участка мозга, ответственного за зрение, оставляла какие-то надежды. Но без каких-либо определенных сроков. Ожидания не делают жизнь спокойнее или счастливее. Зрение к Натали могло вернуться как завтра, так и через пятьдесят лет. В случае же активного медицинского вмешательства существовал риск его окончательной потери. Неопределенность постоянно волновала ее, нервные перегрузки держали в состоянии тяжелой депрессии.

Главной задачей Иван считал восполнение ее потери. С великим трудом ему удавалось быть глазами Натали. Во всяком случае, так утверждала она. Новые реалии очень изменили его жизнь. Как только ее выписали из клиники, у Ивана не осталось времени на поиски Реда.

Недели и месяцы утекали безвозвратно, создавая новые преграды, учесть их делалось невозможно, преодолеть не под силу. Мир оказался чересчур велик, а судьба привязала Ивана к одной-единственной его точке. Право на месть утонуло в обязательной суете. Иван не мог оставить Натали ни на один день.

* * *

Скачок научно-технического прогресса и экспансия землян в Солнечную Систему не изменили коренных основ жизни. Маммона по-прежнему царит на Земле, как и во все прошедшие века. Похищение у двух богатейших семейств планеты наличности и драгоценностей позволило Реду хорошо закамуфлироваться. Иван окончательно потерял его след.

И вот вдруг – такая удача. Потому – долой сомнения! Иван уверен, Реду неизвестно, как он сейчас выглядит. Натали при посторонних не снимает плотной вуали. Ее тоже непросто узнать. Следовательно, об их присутствии на борту «Гандхарвы» Ред не подозревает. Интересно, что ему нужно здесь, на прогулочной яхте частной компании? Впрочем, миссия Реда Ивана не касается, ему нужен приличный план действий. На яхте свои законы. Задумавшись, он коснулся зеленого кружочка на шаре управления.

– Дамы и господа, – голос стюардессы-комментатора звучал артистически выверенно, в меру взволнованно, пробуждая в подготовленных сердцах туристов отголоски полузабытых детских волнений, – Через несколько минут мы вам покажем один из последних снимков Артефакта. Вы уже знаете, что его появление пространственно как-то связано с поясом астероидов. Некоторые отмеченные изменения позволяют судить о наступлении времени его очередного появления. Насколько нам известно, они начались неделю назад. Артефакт, Никто, Одиссей – такие у него имена. Из двадцати миллиардов населения Системы его видели считанные единицы. Если быть точным – двести двадцать человек. И только немногие из них смогли зафиксировать изображение. Расчеты Антарктического Футурум-центра говорят, что вероятность появления Одиссея стремительно нарастает. На месте возможного проявления Артефакта концентрируется в эти дни научно-исследовательская эскадра. В нужный момент мы войдем с ними в связь и это позволит вам увидеть вблизи всё. Вы выбрали очень удачный момент для путешествия…

– Ив, почему их разговоры кружатся вокруг Артефакта? Одиссей… У него что, нет лица? – Натали по-хозяйски непринужденно расположилась в кресле в углу гостиной. Из торшера справа на нее льется теплый оранжевый свет.

– Кажется, так. Я еще не разобрался как следует, – Иван взял в руки одну из книжек, предложенных «Астреей».

На шуршащем пластике обложки крупно чернело одно слово: «Одиссей». Листая проспект, он думал, что людей лечит только время. Время, не существующее вне пространства. Чем дальше человек от места, где с ним произошло несчастье, тем ему легче. Надо было раньше оторвать Натали от излучающих печаль стен ее дома, от ощущения, что не пойманный и не наказанный убийца бродит где-то совсем рядом, готовя новый удар.

– Ив, надо было нам взять технику для съемки. И как я забыла? Или можно достать ее здесь? Напрокат? Слышишь, о чем я говорю? Тут можно снимать сколько хочешь. Никаких запретов.

– Я попробую, Нат.

В ее голосе сквозила надежда на то, что когда-нибудь она сможет своими глазами увидеть то, что не смогла во время путешествия и тогда повторит его. Иван прислушался к комментарию, сопровождающему действие, разворачивающееся на всех трех стенах гостиной.

– …Если вы взяли их с собой, то приготовьте. Но не волнуйтесь, если съемочный аппарат вы не захватили или ваши снимки окажутся неважными. Компания «Астрея» дает обязательство вручить каждому пять фотографий по выбору из сделанных аппаратурой нашей яхты…

Очередная липа, решил Иван. Он слышал о том, как мастерски Компания делает всякие трюки на маршруте, чтобы внести в скучнейшее в общем-то путешествие лишнюю толику волнения. Да и без того он почему-то стал относиться ко всему связанному с «Астреей» скептически. Снимки у них, естественно, давно готовы, и сейчас кто-то из служителей готовит свежую водичку для приведения их в товарный вид. Неизвестно к тому же, существует ли этот самый Артефакт по имени Одиссей, или он плод воображения сценаристов компании. Новое появление Артефакта на пути «Гандхарвы» поднимет престиж круиза неимоверно. Игра стоит того. Едва яхта вернется, слух о новом появлении Артефакта разнесется по лунной колонии и оттуда, опережая возможности средств связи, минуя рогатки цензуры, почти мгновенно достигнет Земли. Акции «Астреи» подскочат на десятки пунктов. Трюк старый, но надежный. Агенты по продаже билетов объявляют о дефиците мест на суда Компании и высокооплачиваемые любознательные граждане Системы посчитают подарком выкупленные за десятикратную цену места так называемого резерва. Маршрут арендован компанией Кларка на пятьдесят лет, и кроме ее яхт, на нем никаких пассажирских либо туристских судов не может быть. Компании придется увеличить число кораблей, чтобы удовлетворить растущее любопытство. Простой фокус принесет сверхбольшую прибыль.

* * *

Дни летели быстро, не принося ничего сверхординарного. План круиза выполнялся точно. Яхта покрутилась вокруг песчаного шара Марса, прошла рядом с его спутниками. На многочисленных экранах «Гандхарвы» сменялись знакомые всем марсианские пейзажи. Давно изучено и приелось. На красном песке застыли цветные полушария земных поселений, соединенные широкими транспортными артериями. На смену марсианским псевдоканалам пришли земные дороги. Интересно, но не интригующе. Чтобы увидеть подобное, вовсе не обязательно брать дорогой билет на круиз до Юпитера.

Первые дни Иван не торопился. Понимая, что ситуация не позволит ему сделать вторую попытку, он старался собрать воедино возможные методы и способы действий на яхте, посреди пустоты, в которую не выйти. И из которой не войти некому.

Так думал тогда Иван. Мысль всегда ограничена опытом, и потому человек не способен заглянуть в будущее. А может, это и к лучшему? Сто долгих дней. Цифра успокаивала, помогала бороться со стремлением к спешке. Тем не менее ожидание внутри Ивана росло, поднимая ростки недовольства. Он стал замечать за собой прорывы раздражительности, после которых Натали замыкалась в себе на несколько часов. Взаимопонимание восстанавливалось само собой, но с каждым разом на это уходило все больше времени. Дыхание космоса проникало внутрь яхты. Ощущения притуплялись, а организм компенсировал недостаток внешних контактов и раздражений беспричинной активностью. Иван как мог пытался противостоять чувству равнодушия, потере способности удивляться. Периодически вспыхивало почти непреодолимое лихорадочное желание отбросить все условности и, пройдя на палубу второго класса, снять и растоптать немодные поляроиды. И взглянуть в глаза, прежде чем сделать то, что надо сделать. Чтобы справиться с этим желанием, он заказывал приключенческие и батальные видеосериалы, включался в работу дежурной смены, пытаясь ощутить себя то навигатором, то Хранителем Паруса. Но все быстро надоедало. К тому же Иван считал долгом скрывать от Натали присутствие на яхте Реда и свои планы.

Яхта готовилась к встрече с Артефактом. Отрывочные данные об Одиссее, домыслы, вымыслы, слухи о нем пропитали все помещения «Гандхарвы». Натали, как и, наверное, все остальные туристы, говорила только об Артефакте. Как-то по ее просьбе Иван включил трансляцию из рубки управления. На этом канале звуковая информация всегда шла более серьезная, чем на других. Комментаторы старались привязываться к научным данным, к практике космоплавания. Иван считал причиной тому участие в работе канала самого Майка Дарре.

Стены растаяли, открыв черную бездну, усеянную сияющими горошинами. Холод и жуть пронзили Ивана, будто лучи звезд стали иглами, несущими на острых кончиках страх и недомогание. Но вот впереди возникли кресла дежурной смены. Впрочем, поймал себя на очередной неточности Иван, слово «впереди» едва ли годится. То направление, куда обращены в данный момент глаза навигатора, не обязательно означает «впереди». Кто знает, где сейчас это впереди, за какой стеной каюты.

Дежурная смена заняла свои места уверенно и спокойно. Успокаивающе мигали огоньки на пульте, уютно светились циферблаты, табло, экраны. Иван облегченно вздохнул, внутри у него потеплело, грудные мышцы расслабились и тяжелая броня, охватившая сердце, рассыпалась. Он не любил ощущать рядом с собой безграничность пространства, тупо равнодушного к живому, затерянному в его нескончаемых внутренностях. Одиночество всегда являлось слабым местом Ивана. А одиночество в безглазой бесконечности особенно невыносимо.

Иван повернулся вместе с креслом к Натали. Она по-прежнему занимала излюбленный угол гостиной, поправляя закрепленные на затылке индивидуальные аудиотрансляторы. Лицо ее, с опущенными веками, застыло будто маска из древнего погребения. Апельсиновый свет торшера, нависшего светящимся грибом на неестественно тонкой черной ножке, стекал сверху вниз, высвечивая на лице Натали островки, пропитанные кровью, оставляя темные глубокие провалы. Впечатление мрачной мертвой обездвиженности, присущей статуям, исходило от нее, возвращая Ивану страхи неживого космоса.

Натали как-то различала цвета, в том числе цвет освещения. Она всегда предпочитала цитрусовые оттенки, и Иван специально оговорил наличие такой лампы в каюте, когда обсуждал набор услуг от Компании, входящих в стоимость рейса. Но не предполагал, что первым контролером-приемщиком качества освещения в каюте, а затем и многого другого явится сама Натали.

Преодолевая отталкивающее чувство, вызванное сочетанием красок на лице Натали и ее неподвижностью, он присмотрелся и понял, что она не спит. И, скорее всего, ждет по привычке, когда Иван начнет свои пояснения к тому, что происходит за противометеоритным, антирадиационным и прочими предохранительными оболочками яхты, за сталью и пластиком автономной защиты их каюты.

То обстоятельство, что в случае нужды каюта могла превратиться в мини-яхту и самостоятельно направить себя по оптимальному маршруту, обеспечивающему спасение, у Натали почему-то вызвало неуверенность, сомнение в надежности яхты. Как раз тот случай, когда плюсы, представленные в излишестве, рождают противоположные знаки. Но, быть может, сомнения роились только в головах Натали и Ивана? Он не доверял полностью рекламе. Ее подобная надежность угнетала. Она была убеждена: за суперпредусмотрительной конструкцией крылась как бы боязнь за надежность целого, непризнание за «Гандхарвой» статуса постоянного целостного организма, всегда готового обеспечить жизненность любой своей частички, будь то каюта экстракласса или ресторан общего салона. «Автономность вашей каюты гарантирует спасение жизни и сохранение здоровья в любом случае…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.